

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»
Кафедра всеобщей истории и мировой культуры

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Учебно-методические материалы
для студентов 3 курса исторического факультета,
обучающихся по специальности 1-02 01 02-06 История. Социально-
политические дисциплины

Витебск, 2012

Автор-составитель: **Косов Александр Петрович** – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова», кандидат исторических наук

Учебно-методические материалы включают краткий курс лекций по основам геополитики, материалы для подготовки и проведения семинарских занятий, контрольные вопросы и тестовые задания для проверки знаний, список литературы.

Предназначены для студентов исторического факультета, обучающихся по специальности 1-02 01 02-06 История. Социально-политические дисциплины

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА СПЕЦКУРСА «ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ»	6
КРАТКИЙ КУРС ЛЕКЦИЙ	8
Лекция 1. Геополитика как наука	8
Лекция 2. Классическая геополитика	22
Лекция 3. Геополитические теории второй половины XX века	44
Лекция 4. Современные геополитические концепции	50
Лекция 5. Геополитическая динамика мира в XX в.	68
Лекция 6. Категории государственного и национального интереса	84
ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ	91
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ТЕМЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ	95
ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ	99
ВОПРОСЫ ДЛЯ СОБЕСЕДОВАНИЯ	106
ЛИТЕРАТУРА	108

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня слово геополитика имеет немалую популярность. Не только ученые, но и журналисты, политики используют его в своем лексиконе. Можно даже говорить, что «геополитический» дискурс стал неотъемлемой частью современной массовой культуры. Однако многие из тех, кто использует это слово, смутно представляют действительное содержание предмета геополитики как научной дисциплины. Предлагаемые учебно-методические материалы знакомят студентов с основами геополитической науки.

Изучение геополитики представляется важным и вследствие того, что эта дисциплина, имеет прямое отношение к сфере практической политики. Без знания геополитики очень сложно разобраться в современных мировых процессах, ибо до настоящего времени государства при выработке внешне-политического курса в той или иной мере руководствуются геополитическими принципами.

В качестве учебной дисциплины геополитика была включена в государственный образовательный стандарт постсоветских государств в начале 1990-х гг. В советский период она считалась буржуазной лженаукой и, естественно, в вузах не преподавалась. В 1990 – 2000-х гг. в новых независимых государствах появилось множество учебников и учебных пособий по геополитике, при этом их качество является различным. К тому же, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о предмете геополитической науки, не устоялся и категориальный аппарат. В учебной литературе даются различные трактовки предмета геополитики, нет единства при рассмотрении категорий, в искаженном виде излагаются концепции некоторых классиков геополитической мысли. В результате, студенты при изучении данного курса зачастую сталкиваются с серьезными трудностями.

Условно современное использование понятия геополитики можно свести к трем аспектам.

Во-первых, оно характеризует ту или иную мировоззренческую доктрину, обосновывающую экспансионистское или оборонительное направление международной политики национальными интересами. В этом аспекте геополитика под различными именами известна уже с античных времен истории человечества.

Во-вторых, понятие геополитики характеризует конкретно-исторический тип международных отношений эпохи передела уже в основном завоеванного и освоенного старыми державами мира, практическую стратегию международной политики народов и государств Новейшей истории. В этом аспекте она также под различными именами существует со времен окончания эры Великих географических открытий и колониального закрепления за теми или иными странами «новых» земель.

В-третьих, понятие геополитики выражает активно формирующуюся в междисциплинарном обществоведческом поле науку со своим специфическим объектом, предметом, с собственной системой категориального аппарата и своеобразной методологией исследования зависимости международных отношений, а также функционирования и развития тех или иных стран и народов от условий географического пространства. В этом аспекте геополитика стала становиться как наука на заре XX в., а системно оформляться – на его исходе.

В данных учебно-методических материалах излагаются основы геополитики как науки, а также история ее становления. Особое внимание уделено таким важнейшим категориям как геополитическое пространство, геополитическое поле и граница. Рассмотрены концепции представителей германской, англо-американской и российской школ классической геополитики. Большое внимание уделено анализу современных геополитических концепций. Показано разнообразие направлений в современной западной мысли: неонатлантизм, мондиализм, неолиберальные и неоконсервативные концепции, рассмотрены теории, развивающиеся в русле цивилизационной и циклической геополитических парадигм.

Важной задачей спецкурса «Основы геополитики» является развитие у студентов геополитического мышления. Геополитика – это наука, которая учит пространственному мышлению, в том числе и в масштабах всей планеты. Такой подход формирует у студентов объективное представление о современных международных процессах, помогает понять истинные цели и стратегию ключевых акторов мировой политики, особенности формирования внешней и внутренней политики государства.

Учебно-методические материалы содержат технологическую карту курса с разбивкой по часам и видам работ, сжатый курс лекций, тематику семинарских занятий, список литературы по курсу, глоссарий.

Настоящее издание рекомендуется студентам, обучающимся по специальности 1-02 01 02-06 История. Социально-политические дисциплины.

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
СПЕЦКУРСА «ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ»**

№	Тема лекционных занятий	Часы
1.	Введение. Геополитика как наука	2
2.	Классическая геополитика	2
3.	Геополитические теории вт.п. XX века	1
4.	Современные геополитические концепции	1
5.	Геополитическая динамика мира в XX – начале XXI века	2
6.	Категории государственного и национального интереса	2
	ИТОГО	10

№	Тема семинарских занятий	Часы
1.	Основные геополитические теории и школы вт.п. XX века	2
2.	Геополитическая динамика мира в XX – начале XXI века	2
3.	Категории государственного и национального интереса	2
	ИТОГО	6

№	Темы для самостоятельной работы студентов	Часы
1.	Основные категории, принципы и законы геополитики	2
2.	Классическая геополитика	4

3.	Геополитические теории вт.п. XX века	2
4.	Геополитические модели мира	2
5.	Геополитическая стратегия США	2
6.	Геополитическая стратегия Китая	2
7.	Геополитическая стратегия ЕС	2
8.	Место конфликтов и войн в жизни мирового сообщества	2
	ИТОГО	18

КРАТКИЙ КУРС ЛЕКЦИЙ

Краткое содержание лекционного курса знакомит студентов с геополитической системой знания, являющейся на сегодня методологией анализа мировых политических процессов. Излагаются основные положения различных геополитических школ, дается представление о геополитических процессах современного мира и геостратегии основных субъектов международной жизни.

Лекция 1. Геополитика как наука

1. Становление геополитики как научной дисциплины.

Геополитика – сравнительно молодая отрасль научного знания. Как наука она складывается рубеже XIX–XX вв.

Истоки оформления геополитических концепций восходят к теориям географического детерминизма, которые появляются в период древности. В соответствии с классическими, восходящими к глубокой древности представлениями географического детерминизма считалось, что развитие человеческого общества зависит исключительно от географических факторов, а установление государственных границ основывается на праве сильного и целиком зависит от завоеваний. Вопрос о влиянии географической среды (в первую очередь климата) на обычаи, нравы, образ правления и некоторые общественно-исторические процессы рассматривали уже античные авторы – «отец медицины» Гиппократ, «отец истории» Геродот, римский историк Полибий и многие другие. Древние греки первыми обратили внимание на влияние географической среды на социальное существование человека. Вместе с развитием цивилизации, ростом числа городов-государств и их населения возникали и чисто геополитические проблемы: необходимость расширения жизненного пространства для увеличивающегося населения, колонизация свободных территорий по всему периметру Средиземноморья с целью сброса избыточного населения, пограничные проблемы и др. Решать их приходилось нередко путем войн с соседями. Античные авторы – Аристотель, Парменид, Гиппократ, Геродот, Страбон, Полибий и другие – отмечали влияние географических факторов на общественное развитие, характер и нравы людей.

Древнегреческий мыслитель Парменид (VI в. до н.э.) выдвинул теорию пяти температурных зон или поясов: один жаркий, два холодных и два промежуточных. Известный древнегреческий врач Гиппократ (V – IV вв. до н.э.) в книге «О воздухах, водах и местностях» различия между людьми объяснял влиянием климата на формирование организма человека.

Греческий философ Аристотель (384 – 322 до н.э.) считал, что только люди, живущие в умеренном климате, обладают и мужественным характером.

ром, и развитым интеллектом. Климат южных стран не дает их жителям стимулов для развития, так как они получают от природы пищу и одежду почти в готовом виде. Жители же северных зон должны затрачивать очень много энергии для выживания и у них не остается сил для своего развития. Умеренный климат обеспечивает идеальный природный баланс, который ведет к становлению и расцвету государств.

Античная политическая и географическая мысль была унаследована мусульманским Востоком. Огромное значение влиянию природы на человеческую историю придавал арабский историк и мыслитель Абд ар-Рахман Абу Зейд Ибн Халдун (1332 – 1406) – общественный деятель, игравший видную роль в политической жизни мусульманских государств Северной Африки. Главный фактор, определяющий влияние природы на общественно-политическую жизнь, по теории Ибн Халдуна, – климат. Только в странах с умеренным климатом люди способны заниматься культурной деятельностью, а жители юга (то есть стран, прилегающих к экватору) не имеют побудительных причин для развития культуры, так как они не нуждаются ни в прочных жилищах, ни в одежде, а пищу получают от самой природы в готовом виде; жители холодных северных стран, наоборот, затрачивают всю свою энергию на добывание пищи, изготовление одежды и постройку жилищ; следовательно, они не имеют времени для занятия науками, литературой и искусствами. Ибн Халдун изложил также свою теорию исторических циклов, согласно которой в странах с умеренным климатом наиболее активной силой истории являются кочевники, обладающие физическими и моральными превосходствами перед оседлым населением, особенно перед горожанами. Именно поэтому, с точки зрения Ибн Халдуна, кочевники периодически захватывают страны с оседлым населением и образуют обширные империи со своими династиями. Но через три-четыре поколения потомки утрачивают свои положительные качества; тогда из степей и пустынь появляются новые волны кочевников-завоевателей, и история повторяется.

На Западе вновь интерес к идеям влияния природно-географических факторов на развитие общества и государства проявился в XVI в. В результате великих географических открытий представления европейцев о мире претерпели серьезные изменения. Открытия неведомых ранее земель стимулировали развитие концепций географического детерминизма.

Французский философ Жан Боден (1530 – 1596) пришел к выводу, что общество формируется независимо от воли человека, под влиянием природно-естественной среды. В своих работах, наиболее известна из которых «Метод легкого познания истории» (1566 г.), Боден писал, что формы государств зависят от географического фактора: климата, размера и характера территории, плодородия почв и т.д. При этом наибольшее влияние на общественное развитие оказывает климат. Северные народы превосходят южные, а горные более развиты по сравнению с долинными. Долг политиков учитывать в своей деятельности географические факторы и лучше использовать их для уси-

ления мощи государства. Западные страны, по мнению Бодена, ближе к северным народам, восточные – к южным.

Французский философ эпохи Просвещения Шарль Луи Монтескье (1689 – 1755) внес большой вклад в развитие политической географии. В своем трактате «О духе законов» (1748 г.) Монтескье сделал вывод, что разнообразие законов в различных странах объясняется не произволом людей, а своеобразием природной среды. Он считал, что климат, почва и ландшафт влияют на форму правления и государственное устройство через детерминацию образа жизни народа и его главных занятий. Философ выдвинул следующий тезис: «Власть климата есть первейшая власть на земле». Монтескье попытался проследить влияние климата на физиологию и психологию, быт и уклад жизни. Жаркий климат порождает малодушие людей, что является причиной рабства и деспотизма в южных странах. Южные народы ленивы от природы, что «делает их неспособными ни к какому подвигу». Северные народы в результате сурового климата более мужественны, нравственны и склонны к свободе. Именно поэтому «дух законов» в каждой стране должен соответствовать условиям географической среды. Таким образом, Монтескье впервые предпринял попытку с помощью концепции географического детерминизма объяснить возникновение различных форм государственного устройства («образ правления»).

Английский историк-позитивист Генри Томас Бокль (1821 – 1862), автор многотомного труда «История цивилизации в Англии» (1857 – 1861), решающую роль в развитии цивилизации отводил не климату, а ландшафту. По Боклю, есть ландшафты, способствующие развитию разума, которые подчиняют природу человеку. Они характерны для Европы. За её пределами преобладают ландшафты воображения, в которых человек подчинен природе.

Самым ярким представителем германской школы географического детерминизма является профессор, глава Берлинского географического общества Карл Риттер (1779 – 1859). Он впервые ввел деление земного пространства на континентальную (сухопутную) и морскую (водную) полусферы. Границей между ними К. Риттер считал линию, проходящую через Перу в Южной Америке до южной части Азии. В континентальной полусфере он выделял два больших региона – Старый и Новый Свет. Старый Свет, простирающийся с запада на восток, обладает относительным климатическим однообразием, а Новый, расположенный вдоль меридианов с севера на юг, напротив – климатическим разнообразием. Соответственно народы этих частей света имеют существенные различия между собой. К. Риттер также утверждал, что размеры государства напрямую связаны с его силой.

На тесное взаимодействие человеческой цивилизации и природы, их влияние друг на друга указывали и другие немецкие ученые-философы, среди которых следует назвать И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха. Иммануил Кант (1724 – 1804) в своих лекциях по географии развивал мысли о влиянии физической географии на “моральную географию” (национальный

характер), на политическую географию, на “торговую географию” (экономику) и на “теологическую географию” (территориальное распространение религий) отдельных народов. Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831) в своей «Философии истории» прямо указывает на детерминированность истории разных народов географическими факторами. Гегель одним из первых в истории социальной мысли совмещает географический детерминизм с расизмом, объявляя лишь страны Западной Европы и США носителями исторического прогресса и обосновывая, в частности, порабощение исконных жителей Мексики и Перу европейскими колонизаторами ссылкой на то, что индейцы якобы «во всех отношениях, даже в отношении роста, стоят ниже европейцев». Гегель выделяет три «географических различия» земной поверхности: 1) безводное плоскогорье со степями и равнинами; 2) низменности, переходные страны, орошаемые реками; 3) прибрежная страна, непосредственно прилегающая к морю. Из этих трех «географических различий» Гегель выводит тот или иной общественный строй.

Геополитика возникла на пересечении проблематики политической науки и географии. Она выделилась из политической географии, которая исследует влияние географической среды на формирование и развитие территориальной, государственной и политической организации общества.

Возникновение геополитики как науки на рубеже XIX – XX вв. обусловлено не только логикой развития научного знания, но и потребностью осмысления новых политических реалий.

Во-первых, к началу XX в. завершился территориальный раздел мира, т.е. произошло «закрытие мира». Формируется глобальная политическая система, в которую входит вся ойкумена. Новый раздел мира теперь был возможен только как «передел уже поделенного», переход территорий от одного «владельца» к другому. Мир как единое целое разделился между основными противоборствующими центрами силы. Попытки передела мира привели к тому, что уровень конфликтности на международной арене значительно вырос. Это обстоятельство подтолкнуло научные поиски, нацеленные на совершенствование приемов борьбы главных центров силы на мировой арене.

Во-вторых, технические достижения (железные дороги, пароходы и т.д.) привели к «сжатию» мирового геополитического пространства, то есть к сокращению времени преодоления расстояния. Мир все чаще стал восприниматься как единое целое. Политики и ученые впервые получили возможность с полным основанием «мыслить континентами».

В-третьих, появились новые центры силы (США, Германия, Италия, Япония) и они включились в борьбу за передел мира. Не случайно, геополитика наиболее бурно развивалась именно в этих странах.

В-четвертых, наблюдался непрерывный процесс усиления милитаризма, шла подготовка войн за передел сфер влияния. Именно тогда начали разрабатываться теоретические основы силовой политики на международной

арене. Итогом этих процессов стало создание враждебных военно-политических блоков (Тройственного Союза и Антанты).

В-пятых, важную роль сыграло бурное развитие средств коммуникаций, которое дало возможность перебрасывать на большие расстояния сырье, продовольствие и промышленные товары. Возникло международное разделение труда, что предопределило преимущества одних стран над другими. Усложнялась конфигурация мира, международные отношения становились все более разнообразными. В новых условиях внешняя политика не могла быть только проявлением воли главы государства, требовалось ее научное обоснование.

Необходимо учитывать, что геополитические идеи и сама геополитика возникли и развивались в общем русле эволюции научной мысли того периода. Геополитика представляла собой перенесение на сферу международных отношений господствовавших в конце XIX – начале XX вв. как в естественных, так и в социальных и гуманитарных науках концепций, а именно географического детерминизма, строгих естественноисторических законов, социал-дарвинизма, органицизма и т.д.

2. Определение геополитики.

Слово «геополитика» составлено из двух греческих корней: «гео» – земля и то, что связано с землей, «политикос» – то, что связано с «полисом» – государством, гражданством.

Автором термина «геополитика» является шведский ученый Рудольф Челлен, который впервые употребил его в 1899 г. Однако лишь после публикации в 1916 г. его книги «Государство как форма жизни» термин постепенно получает научное признание. Этот правовед и общественный деятель новую научную дисциплину понимал как «доктрину, рассматривающую государство в качестве географического организма или пространственного феномена».

Геополитика как академическая дисциплина была разработана немецким ученым Фридрихом Ратцелем и его британским коллегой Харольдом Маккиндером. До сих пор в научной литературе нет четкой и полной формулировки понятия «геополитика».

В советских справочниках и научной литературе начиная с 1930-х гг. господствовали крайне негативные оценки геополитики, категорически отрицалась ее научность.

В «Большой советской энциклопедии» 1952 г. давалось следующее определение: «Геополитика – лженаучная, реакционная теория, получившая распространение в агрессивных империалистических государствах. Изображая географическую среду решающим фактором жизни общества, геополитика оправдывает захватническую политику путем извращенного толкования данных физической, экономической и политической географии. Геополитика неразрывно связана с человеконенавистнической расовой теорией,

шовинизмом, космополитизмом и другими проявлениями реакционной империалистической идеологии... Появление геополитики выражает глубокий упадок и гниение буржуазной идеологии в эпоху империализма». В последующие десятилетия тон критики несколько смягчился, однако вплоть до конца 1980-х гг. геополитика по-прежнему считалась лженаукой. Лишь в конце 1980 – начале 1990-х гг. геополитика была «реабилитирована» в качестве академической дисциплины. С начала 1990-х гг. наблюдался всплеск интереса к новой для нас науке.

В работах современных отечественных ученых условно можно выделить два подхода к определению термина геополитика.

Первый подход, который можно назвать традиционным, восходит к Р. Челлену, определявшему геополитику как доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен.

Примером такого подхода в современной отечественной геополитике являются работы Э.А. Позднякова, А.Г. Дугина, Ю.В. Тихонравова и др. Эти авторы считают геополитику наукой о связи и взаимодействии географического пространства и политики. Ю.В. Тихонравов определяет геополитику «как отрасль знания, изучающую закономерности взаимодействия политики с системой неполитических факторов, формирующих географическую среду (характер расположения, рельеф, климат, ландшафт, полезные ископаемые, экономика, экология, демография, социальная стратификация, военная мощь)».

А.Г. Дугин в своей недавней работе «Геополитика постмодерна» при анализе международных отношений предлагает выделять постоянную и переменную компоненты. Изучением постоянной, неизменной компоненты и занимается геополитика. «Геополитический подход, – пишет Дугин, – оперирует с такими реальностями, которые – чисто теоретически – считаются постоянными и не зависят от исторических колебаний». К таким реальностям можно отнести особенности географического положения государства, его границы, положение страны по отношению к морю, демографические характеристики государства и т.д. К переменным факторам можно отнести политическую историю как таковую, включая пребывание у власти тех или иных политических деятелей, внутреннюю политику т.д. Геополитические реалии диктуют необходимость проведения определенной политики вне зависимости от формы политического режима и других «переменных» факторов.

Другая группа исследователей (К.В. Плешаков, К.С. Гаджиев, К.Э. Сорокин, В.А. Колосов, Н.С. Мироненко, Т.В. Андрианова, С.А. Модестов, В.А. Дергачев, Р.Т. Мухаев и др.) считают, что предмет, задачи, методология геополитики должны быть изменены. Эти авторы стремятся осовременить геополитику.

Большинство ученых признает, что геополитика по-прежнему рассматривается как наука о пространственном измерении международной жизни.

Так, Н.А. Нартов дает краткое определение геополитики как «системы знаний о контроле над пространством».

В рамках данного подхода признается, что в настоящее время появилось множество новых измерений пространства. Вначале пространство рассматривалось как пространство земли (суши) и воды (океанов и морей). Поэтому для геополитики принципиальное значение имела дихотомия «Суша» – «Море», обозначающая два различных типа освоения пространства. Отсюда деление стран на морские и континентальные. Затем, с появлением авиации и космонавтики, пространство стало восприниматься не только в горизонтальном, но и в вертикальном измерении: наземное (морское) пространство, воздушное, космическое. Выделяют и другие виды пространства, к примеру информационное пространство.

К.В. Плешаков предложил определить геополитику как «объективную зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством». Он предложил наряду с географическими условиями важнейшим геополитическим фактором считать экономический. Он подчеркивает, что «экономические процессы во все большей степени определяют облик окружающей человека «физической реальности», самого общества». Кроме того, геополитика должна учитывать и последствия «информационной революции», которая меняет облик планеты, формируя «коммуникативное» мировое сообщество

Н.С. Мироненко определяет геополитику как «некую проблемную научную область, основной задачей которой выступает фиксация и прогноз пространственных границ силовых полей разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных, экологических) преимущественно на глобальном уровне».

К.С. Гаджиев склонен определять предмет геополитики как исследование современного мира во всем его многообразии. Геополитика, по определению этого автора, – дисциплина, «изучающая основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества». Он предложил по-новому интерпретировать префикс «гео-» в термине «геополитика»: не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как понимание мирового сообщества в виде единой «завершенной» системы в масштабах всей планеты.

3. Объект и предмет геополитики.

Объектом геополитики как науки является планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе как системе.

Предмет геополитики как науки за последний век заметно расширился.

Геополитика тесно связана с экономическим и технологическим развитием общества, которое меняет условия существования народов и государств. Сначала развитие мореплавания связало мир в единую систему и обеспечило «морским» государствам заметное превосходство над «континентальными». Затем развитие сухопутных коммуникаций, железнодорожное строительство, ликвидировало преимущество морских держав, создав возможность для более быстрого освоения внутриконтинентальных пространств. Появление авиации коренным образом изменило геополитическое положение островных государств, которые, как Великобритания, утратили прежнюю неуязвимость в военном отношении. Освоение космоса, создание ракетно-ядерного оружия качественно изменило геополитические характеристики мирового пространства.

В современном мире наряду с территориальным пространством (сухопутным, морским, воздушным) все большее значение приобретают экономическое, информационное, культурно-цивилизационное и т.д. измерения пространства, которые оказывают не меньшее влияние на международные отношения.

Таким образом, в настоящее время предметом геополитики следует считать комплекс географических, экономических, исторических, политических, культурных, технологических, цивилизационных и других факторов, которые обеспечивают контроль субъектов международных отношений (далее – МО) над различными измерениями геополитического пространства.

В геополитике можно выделить два уровня анализа:

макроуровень – мировая геополитика – занимается проблемами взаимодействия субъектов международных отношений в пространственном аспекте;

микроуровень – национальная геополитика – занимается проблемами развития государств в пространственном аспекте.

В каждом уровне можно выделить подуровни:

мировая геополитика – **общепланетарный** (проблемы актуальные для всего человечества, носящие наднациональный характер); **международный глобальный** (геополитическая составляющая международных отношений в общемировом масштабе); **международный региональный** (геополитическая составляющая международных отношений в рамках конкретного региона);

национальная геополитика – **национальный внешний** (внешняя составляющая национальной геополитики – проблемы границ, отношения с другими государствами), **национальный внутренний** (внутренняя составляющая национальной геополитики – административное деление и региональное членение государства, изменение административных границ, взаимодействие между отдельными частями государства) и **локальный** (внутренняя составляющая национальной геополитики на уровне составных частей государства – геополитика отдельного внутригосударственного региона, области, субъекта федерации).

4. Методы и функции геополитики.

Российский исследователь Н.А. Нартов выделил следующие методы: структурно-функциональный анализ, деятельностный метод, исторический метод, функциональный метод, институциональный метод, общелогические методы, методы эмпирических исследований и др.

Кроме того, в настоящее время в научном познании важное место занимает **системный подход**. Он все более широко применяется и в геополитике. Применение системного подхода должно стать одной из важной составляющих обновления геополитики как науки. Системный подход – направление методологии, в основе которого лежит рассмотрение объекта исследования как системы. В геополитике он используется при анализе системы МО, региональных систем, отдельных субъектов МО.

В рамках системного подхода любая система рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов (компонентов). Все системы имеют свои компоненты, структуру и функции. Компонентами системы являются подсистемы и элементы. Подсистема – это такая часть системы, которая сама образована из компонентов, то есть подсистема сама представляет собой систему, будучи включенной в систему более высокого порядка. Элемент – это нерасчленимый далее, элементарный (атомарный) носитель содержательных свойств системы, предел членения системы.

Специфическим методом исследований является **геополитический анализ** – изучение пространственно-силовых отношений между геополитическими субъектами, обусловленных их пространственно-географическими, социально-экономическими, цивилизационными и др. различиями, а также влиянием внешних по отношению к данным субъектам сил. Этот метод применим как к оценке геополитической расстановки сил в мире, так и к исследованию международных конфликтов различной интенсивности и достаточно эффективен в плане поиска оптимальных вариантов их урегулирования. Одним из результатов геополитического анализа является построение геополитических моделей и систем безопасности различных уровней.

Одной из важнейших функций геополитики является **познавательная (гносеологическая)**. Она позволяет формировать адекватное понимание геополитических процессов, верно оценивать политику того или иного субъекта МО, правильно интерпретировать национальные интересы государств.

Мировоззренческая функция геополитики способствует выработке определенного взгляда на окружающий мир, место в нем того или иного государства, причинную обусловленность геополитического поведения соответствующего субъекта на международной арене, закономерности и основные направления развития человеческой цивилизации.

Методологическая функция геополитики дает исследователю возможность анализировать пространственно-силовые отношения между субъектами МО с учетом системного влияния социально-экономических, военно-

стратегических, цивилизационных и т.п. противоречий между ними и сложившегося на данный момент баланса сил. Теоретические исследования в области геополитики служат основой для построения концепций безопасности всех уровней, внешнеполитических и военных доктрин государств, позволяют выстраивать внешнюю и внутреннюю политику государства на научной основе.

Управленческая функция геополитики заключается в непосредственном влиянии геополитических знаний на процесс принятия политических решений по важнейшим вопросам международных отношений и обеспечения национальной безопасности государств. Другая сторона управленческой функции геополитики заключается в формировании научной основы управления геополитическими процессами и системой обеспечения национальной безопасности государства. Геополитика как наука изначально была ориентирована на необходимость применения ее выводов и построений на практике.

Прогностическая функция геополитики также связана с методологической, поскольку позволяет давать прогнозы развития обстановки в тех или иных регионах на основе исследований, проводимых с использованием методологии геополитики. Прогностическая функция геополитики позволяет обеспечить качественное планирование политики государства с учетом его роли в современном мире, политики, направленной на обеспечение главной функции любого государства как социальной системы – выживания и прогрессивного развития.

Идеологическая функция геополитики связана с разработкой геополитической части государственной идеологической доктрины государства. Эта доктрина является продуктом истории страны, эволюции видения политическими лидерами, элитой и обществом ее места в мире, географического и геополитического положения. Идеологическая доктрина должна соответствовать национальным интересам государства.

Некоторые авторы преувеличивают значение идеологической функции геополитики. А.Г. Дугин в «Основах геополитики» даже предлагает считать геополитику в первую очередь идеологией. Дугин определяет геополитику как «мировоззрение власти, науку о власти и для власти», «науку править», дисциплину политических элит. Такой подход нельзя считать правильным.

5. Основные категории геополитики

К числу основных категорий геополитики относят: геополитическое пространство, геополитическое поле, геополитический регион, геополитическое соперничество, геостратегия, границы, национальные интересы и механизмы его реализации, национальная безопасность государства, национальная мощь, экспансия, жизненное пространство, Север, Юг, баланс сил, столкновение цивилизаций и т.д.

Геополитическое пространство – среда, оказывающая влияние на формирование отношений между государствами.

Геополитическое поле – это пространство, контролируемое государством или союзом государств. Известный российский ученый К.В. Плешаков предложил следующую классификацию подобных полей. **Эндемическое поле** – это пространство, контролируемое государством продолжительное время. Принадлежность этой территории данной национальной общности признают соседи. **Пограничное поле** – территория, находящаяся под контролем государства, но недостаточно демографически, экономически и политически им освоенная. Чаще всего таким полем бывают пространства, населенные национальными меньшинствами. К числу таких полей могут быть отнесены азиатские, северо-восточные и дальневосточные регионы России, Северный Кавказ и т.д. **Перекрестное поле** – пространство, на которое претендует несколько сопредельных государств. К таким пространствам относится например Нагорный Карабах. **Тотальное поле** – непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности. **Метаполе** – пространство, осваиваемое одновременно несколькими государствами.

Геополитический регион – пространство, характеризующееся высокой интенсивностью политических, экономических, торговых и культурных связей (например, Северная Америка, Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия).

Геополитические линии – структурообразующие факторы организации геополитического пространства. Ими являются сухопутные, морские и воздушные коммуникации, наиболее важные направления грузопотоков и пути транспортировки сырья. За них идет постоянная скрытая или явная борьба.

Геополитическое соперничество – противостояние и столкновение противоположных интересов государств. Оно может иметь горизонтальный, вертикальный и очаговый характер. Горизонтальное соперничество протекает на поверхности суши и моря, вертикальное связано с гонкой вооружений в космосе, а очаговое проявляется в ограниченных регионах, находящихся вне прямого столкновения оппонентов (например, Куба в 1961 г., Ближний Восток в 60 – 70-е гг.).

Геостратегия – обоснованное геополитикой направление внешнеполитической деятельности государства. Она классифицируется по масштабам (глобальная, региональная и страновая) и по пространственным средам (сухопутная, морская, воздушная и космическая).

Баланс сил – это взаимодействие различных по направленности и силе (в зависимости от мощи стран и их группировок) потоков экспансии, с одной стороны, и результатов разноуровневого и разнонаправленного сотрудничества, с другой. Баланс сил – это не равновесие, а лишь соотношение сил, причем соотношение динамическое, зависящее от игры всех определяющих его элементов.

Геополитические векторы, по определению В.А. Дергачева, – векторы силового (военно-политического, экономического, культурного) воздей-

ствия государства или блока на окружающий мир. Это геостратегические направления внешней политики на глобальном, региональном и страновом уровнях.

Границы – линии, очерчивающие территории государств, их политическое пространство. Они выполняют следующие функции: разделение зон действия национальных суверенитетов, ограничение или исключение контактов между жителями сопредельных государств, сбор пошлин с ввозимых или вывозимых товаров, санитарный контроль и т.д. Границы подразделяются на естественные и искусственные. В качестве естественных границ используются рубежи, созданные природой, главным образом моря и океаны, горы, реки. Искусственные границы обустроиваются людьми и представляют собой продукт взаимодействия государств. Границы определяют ареал формирования национального самосознания и национальной идентичности.

Национальная безопасность государства – его защищенность от внутренних и внешних угроз, способность обеспечить суверенитет, независимость и территориальную целостность, создать условия для нормальной жизнедеятельности общества. Исторически национальная безопасность отождествляется с военной безопасностью, защищенностью от вооруженного нападения извне. Военный компонент сохраняет свою значимость и в настоящее время. Вместе с тем обострение глобальных проблем придает понятию «национальная безопасность» принципиально новые измерения – экологическое, демографическое, энергетическое, продовольственное и др.

Национальный интерес – осознание и отражение коренных потребностей общества в деятельности государственных лидеров. Национальный интерес состоит в наращивании экономического, военного, финансового и научно-технического потенциала государства, в усилении его геополитического влияния, в росте благосостояния населения, в интеллектуальном и нравственном прогрессе общества. На его содержание влияют такие факторы, как специфика географического положения страны, социально-экономическая и политическая ситуация в ней, национально-культурные и цивилизационные особенности. Естественными границами национального интереса являются ограниченность ресурсной базы и национальные интересы других стран.

Национальная мощь – категория, традиционно отражающая такие компоненты, как территория государства, его природные ресурсы и численность населения, экономический и военный потенциал.

Экспансия – категория, широко применяемая в геополитике и используемая для характеристики территориальных приобретений, установления военно-политической сферы влияния. Разновидности экспансии: военная, экономическая, культурно-идеологическая и информационная. По мере обострения и глобализации сырьевого кризиса, роста народонаселения, сокращения площади плодородных земель главным видом экспансии становится территориальная.

В геополитике принято выделять **формы организации политического пространства**. К ним относятся категории империя и государство-нация.

Империя (от лат. *imperium* – власть, государство) долгое время означала монархическое государство во главе с императором или крупное государство, имеющее обширные колониальные владения. В западной политологии XX в. под империей также понималось «государственное образование достаточно большого размера, в котором одна этническая группа устанавливает контроль над другими этническими группами и территориями, осуществляя это, как правило, военным путем».

В современных условиях выделяют **неформальные империи**. Речь идет о таком типе империи, в котором периферия – формально независимые в политическом отношении государства, а центр – иностранная держава, которая опирается на опосредованные формы контроля над странами периферии. Неформальной империей являются США.

Государство-нация (национальное государство) – централизованное государство, форма самоопределения и организации той или иной нации на определенной суверенной территории, выражающее волю этой нации. В отличие от империи в государстве-нации все граждане принимают участие в управлении государством.

Система национальных государств начала складываться в Европе после Вестфальского мира (1648 г.). Огромное влияние на процесс становления национальных государств оказала Французская революция конца XVIII в. Образование национальных государств на европейском континенте продолжалось в течение всего XIX в.

Геополитические центры – это государства, чье значение вытекает не из их силы, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Географическое положение в ряде случаев придает геополитическим центрам особую роль в плане контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геополитическим действующим лицам в получении ресурсов. Также геополитический центр может действовать как щит для государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене.

Кроме рассмотренных категорий геополитика широко использует категориальный аппарат других наук и, прежде всего, политологии, теории международных отношений, военной теории. Она активно оперирует такими категориями, как агрессия, баланс сил, биполярность, многополярность, военная мощь, политическое пространство и время, расстановка сил, цивилизация и т.д.

Необходимо остановиться и на таких важных категориях как: Атлантизм (синоним Запад) – понятие, объединяющее исторически – западный сектор человеческой цивилизации, стратегически – союз западных стран, объеди-

ненных военным блоком НАТО, социально – ориентация на рыночные ценности, ставка на личность

Атлантизму противостоит евразийство – геополитическое понятие, объединяющее восточный сектор человеческой цивилизации, стратегически – это потенциальный союз России, Монголии, Китая, Ирана, Индии, социально – ориентация на коллективизм, сильное социальное государство.

Геополитика традиционно подразделяется на фундаментальный и прикладной разделы; причем последний, иногда называемый геостратегией, рассматривает условия принятия оптимальных политических решений.

Вопросы для самопроверки

1. Какие географические факторы, по мнению сторонников географического детерминизма, влияют на общественное развитие и формы государства?
2. Назовите предпосылки возникновения геополитики как научной дисциплины.
3. В чем отличие предмета классической и современной геополитики?

Вопросы для обсуждения

1. Какие черты геополитики позволяют считать ее научной дисциплиной?
2. Некоторые авторы утверждают, что геополитика как наука устарела. Согласны ли Вы с этой точкой зрения? Обоснуйте свое мнение.
3. Согласны ли Вы с утверждением, что «геополитика – это наука править» («учебник власти»)? Почему?
4. По каким причинам геополитику нельзя ставить в один ряд с идеологиями?

Лекция 2. Классическая геополитика

1. Геополитические взгляды Ф. Ратцеля

Своим возникновением классическая геополитика обязана немецкому мыслителю Фридриху Ратцелю (1844 – 1904). Фридриха Ратцеля можно считать подлинным «отцом» геополитики. Однако сам Ратцель этого термина в своих трудах не использовал, а писал о «политической географии». Следует отметить, что Ратцель действительно является одним из основоположников политической географии в современном понимании содержания данной науки. Участник Франко-прусской войны, после ее окончания преподает географию в Мюнхенском и Лейпцигском университетах. Под влиянием дарвиновских идей Ратцель рассматривал государство как живой организм, борющийся за свое существование. Ратцель рассматривал земной шар как единое целое, неразрывной частью которого является человек. Он считал, что человек должен приспособливаться к своей среде точно так же, как это свойственно флоре и фауне. Многие предшественники Ратцеля – и Монтескье, и Гердер, и Риттер – отмечали зависимость между размерами государства и его силой, но Ратцель первым пришел к выводу, что пространство есть наиболее важный политико-географический фактор. Главным, что отличало его концепцию от других, было убеждение, что пространство – это не просто территория, занимаемая государством и являющаяся одним из атрибутов его силы. Пространство – само есть политическая сила. Таким образом, пространство в концепции Ратцеля есть нечто большее, чем физико-географическое понятие. Оно представляет собой те природные рамки, в которых происходит экспансия народов. Каждое государство и народ имеют свою «пространственную концепцию», то есть идею о возможных пределах своих территориальных владений. Упадок государства, считал Ратцель, есть результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства. Пространство обуславливает не только физическую эволюцию народа, но также и его ментальное отношение к окружающему миру. Взгляд человека на мир зависит от пространства, в котором он живет. У Ратцеля мы сталкиваемся с первыми формулировками важной геополитической концепции – концепции «мировой державы».

В своих наиболее значительных трудах «Политическая география» (1897), «О законах пространственного роста государств» (1901) Ратцель сформулировал семь законов экспансии, которую Л. Гумилев назовет пассионарностью:

1. Пространство государств растет вместе с ростом культуры.
2. Рост государства сопровождается повышенной активностью, идеями, торговлей, мессионерством.
3. Рост государства осуществляется путем соединения и поглощения малых государств.

4. Граница, как периферийная зона государства служит свидетельством его силы или слабости, других изменений в этом политическом организме.

5. В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы окружающего пространства: береговые линии, русла рек, равнины, районы, богатые ресурсами.

6. Импульс к территориальному росту дают более высокоразвитые государства.

7. Будущее за крупными государствами, занимающими большие континентальные пространства (типа Северной Америки, России, Австралии, Южной Америки).

Многие критики упрекали Ратцеля в том, что он написал «Катехизис для империалистов», хотя ученый не стремился оправдать действия захватчиков, для него важнее было создать научный инструмент, объясняющий связь географии с политикой.

Большое пространство поддерживает и стимулирует жизнь человеческого сообщества, считал Ратцель и будущее принадлежит крупным государственным образованиям, таким как США, Россия, объединенная Латинская Америка, Австралия.

Наибольший интерес, с позиций сегодняшнего дня, представляет его оценка значения бассейна Тихого океана. Ратцель называл его «океаном будущего». Этот огромный океанический район станет, по его мнению, местом активной деятельности и столкновений интересов многих ведущих держав мира. Государства, которые будут доминировать в Тихом океане будут доминировать в мире. Главные его ресурсы стратегическое положение и огромные размеры. Ратцель предсказал, что именно зона Тихого океана будет местом выяснения сил между США, Англией, Россией, Японией и Китаем, это столкновение явится своеобразным концом одного цикла и началом другого в истории человечества.

Победителями в этом столкновении выйдут не морские, а континентальные державы, обладающие большими ресурсами и, прежде всего достаточным сухопутным пространством.

Таким образом, Ратцель от описательского пассивного характера географического пространства перешел к геополитическому и даже геостратегическому аспекту роли пространства. Эти идеи были подхвачены его учениками, как в Германии, так и за ее пределами.

2. Геополитические воззрения Р. Челлена

Шведскому ученому Юхану Рудольфу Челлену (1864 – 1922) геополитика обязана своим наименованием. Юрист и государствовед Челлен – профессор истории и политических наук Гётеборгского и Уппсальского университетов. Он изучал системы управления с целью выявления путей создания сильного государства. Кроме того, он активно участвовал в политике, являлся членом парламента, отличаясь подчеркнутой германофильской ориентацией. Челлен

не был профессиональным географом и рассматривал геополитику, основы которой он развил, отталкиваясь от работ Ратцеля, которого он считал своим учителем, как часть политологии. В работах Челлена содержатся, по сути дела, все принципиальные положения геополитики. Он считал, что на основе всестороннего изучения индивидуального государства могут быть выделены некоторые самые общие принципы и законы, подходящие для всех государств и для всех времен. Одним из них является сила государства. Государства возвышаются, потому что они сильны. Челлен считает, что сила – более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон, поскольку сам закон может поддерживаться только силой. В силе Челлен находит дальнейшее доказательство своего главного тезиса, что государство есть живой организм. Если закон вводит нравственно-рациональный элемент в государство, то сила дает ему естественный органический импульс. Утверждением, что государство есть цель сама в себе, а не организация, служащая целям улучшения благосостояния своих граждан, Челлен явно противопоставлял свой взгляд либеральным концепциям, сводящим роль государства к второстепенной служебной роли, к роли “пассивного полицейского”.

В книге “Великие державы” (1910 г.) Челлен пытался доказать, что малые страны в силу своего географического положения “обречены” на подчинение “великим державам”, которые, опять-таки в силу своей “географической судьбы”, обязаны объединить их в большие географические и хозяйственные “комплексы”. Челлен указывал, что отдельные “комплексы” такого рода – в частности, США, Британская империя, Российская империя – сложились еще в XVIII – XIX вв., тогда как образование большого европейского “комплекса”, или единства, составляет задачу Германии. Это последнее указание Челлена на “необходимость объединения Европы под эгидой Германии” и было, в сущности, основной идеей его геополитического учения. Он дополняет Ратцеля в том, что не только пространство определяет характер государства. Помимо географических черт здоровье государства зависит еще от четырех признаков:

- формы хозяйствования (экополитика)
- национально-этнических характеристик (демополитика)
- социально-классового взаимопонимания (социополитика)
- формы государственного управления (кратополитика).

Взятые вместе, они, по выражению Челлена, образуют “пять элементов одной и той же силы подобно пяти пальцам на одной руке, которая трудится в мирное время и сражается в военное”.

Будучи германофилом и сознавая слабость скандинавских стран перед лицом потенциальной внешней угрозы, он предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей.

Впервые термин “геополитика” был введен Челленом в его работе “Государство как форма жизни” (1916 г.). Собственно геополитику Челлен определил следующим образом: “Это – наука о государстве как географическом

организме, воплощенном в пространстве”. Помимо “геополитики” Челлен предложил еще четыре неологизма, которые должны были составить основные разделы политической науки:

- 1) экополитика (“изучение государства как экономической силы”);
- 2) демополитика (“исследование динамических импульсов, передаваемых народом государству”; аналог “антропогеографии” Ратцеля);
- 3) социополитика (“изучение социального аспекта государства”);
- 4) кратополитика (“изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономическими факторами”).

Но все эти дисциплины, которые Челлен развивал параллельно геополитике, не получили широкого признания, тогда как термин “геополитика” утвердился в самых различных кругах.

Благодаря сочинению Челлена “Государство как форма жизни”, которое уже в 1917 г. появилось на немецком языке, геополитические идеи получили более широкое распространение, особенно в Германии, а с возникновением Третьего рейха произошло их “блестящее воскресение”. Все книги Челлена были переведены на немецкий язык и широко рекламировались в нацистских высших и средних учебных заведениях.

3. Геополитические взгляды К. Хаусхофера

Карл Хаусхофер (1869–1946) – генерал немецкой армии, дипломат, ученый. Большую роль в его становлении как геополитика сыграла дипломатическая служба в Японии. Он относил Японию к странам с континентальным типом мышления, рассматривая ее как полную противоположность другому островному государству – Великобритании, которая всегда стремилась отгородиться от континента и противопоставить себя ему. Япония же, писал Хаусхофер, напротив, обязана континенту культурой и письменностью.

После Первой мировой войны, в 1921 г., Хаусхофер становится профессором географии Мюнхенского университета. В 1924 г. он основывает «Геополитический журнал». Хаусхофер поддерживал связи с нацистами еще в начале 1920-х гг. Заместитель А. Гитлера по партии Р. Гесс был учеником Хаусхофера.

Геополитические взгляды К. Хаусхофера базировались на концепциях Ф. Ратцеля и Р. Челлена, заметно влияние на его построения идей Х. Маккиндера. Геополитику Хаусхофер определял как «географический разум государства». Он считал, что геополитические идеи должны быть восприняты народом, а власти должны руководствоваться ими в своей политике.

По мнению Хаусхофера, основные экономические и политические проблемы Германии были вызваны несправедливыми и тесными границами, проведенными в соответствии с унижительным Версальским мирным договором. Хаусхофер считал, что у немецкого народа необходимо планомерно воспитывать «чувство границы». «Народ без территории» должен был расширить свое жизненное пространство. Тем самым, утверждал Хаусхофер, го-

сударство обеспечивает себе большую экономическую автаркию, или независимость от своих соседей. Способность к завоеванию такой свободы рассматривалась как свойство великой державы.

Концепция большого пространства привела К. Хаусхофера к идее панрегионов. Новое геополитическое деление мира, предложенное Хаусхофером, получило название панрегионализма. Он пришел к выводу о необходимости поделить мир вдоль меридианов.

Хаусхофер рассматривал **панрегионы** как глобальные экономические регионы. Кроме того, по Хаусхоферу, панрегионы основываются на **панидеях** (сверхидеях). Панидеи – это широкие цели, которые разделяют несколько народов. На основе панидей должен произойти раздел мира на самодостаточные, автономные регионы, что призвано было предотвратить военные конфликты.

В своей первой панрегионалистской модели Хаусхофер разделил мир на три с севера на юг ориентированных панрегиона, каждый из которых состоял из ядра (центра) и периферии: Пан-Америка с ядром в США, Евро-Африка с ядром в Германии и Пан-Азия с ядром в Японии, в периферию включалась и Австралия. Каждый панрегион потенциально обладал экономической самодостаточностью. Эта географическая структура была интересна тем, что она включала огромные территории вокруг каждого центрального государства, объединяя регионы, богатые природными ресурсами, широко охватывающие земной шар. Каждый панрегион включал часть арктического пространства, зоны с умеренным и тропическим климатом. Из модели было неясно, какую роль в ней играет СССР.

Позже Хаусхофер предложил как один из вариантов четырехчленное деление мира. Четвертым панрегионом стала Пан-Россия с ее сферой влияния в Иране, Афганистане и на Индостане. Часть территории СССР в этой схеме входила в сферу влияния Японии.

В конце 1930-х гг. Хаусхофер выдвинул концепцию континентального блока Берлин – Москва – Токио. Заключение пакта о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 г. соответствовало геополитическому проекту К. Хаусхофера. Продолжением этой линии стали ноябрьские 1940 г. переговоры в Берлине В.М. Молотова и высшего руководства Германии. Однако решение Гитлера напасть на Советский Союз означило крах замыслов континентального блока.

4. Геополитическая концепция К. Шмитта

Немецкий ученый Карл Шмитт (1888 – 1985) известен как крупный юрист, политолог, философ, историк. Шмитт являлся активным членом нацистской партии в 1933 г. и после разгрома фашистской Германии вплоть до 1970-х годов его имя не принято было вспоминать, а научные работы не использовались учеными.

К. Шмитт наиболее глубоко проработал концепцию Большого пространства. Немецкий геополитик считал, что с определенного момента техническое и экономическое развитие государства требует количественного и качественного увеличения его территории. По Шмитту, государство исторически развивается от государства-города через государство-территорию к государствам-континентам. Большое пространство – это географически ограниченное пространство, которое находится в сфере влияния государства, представляющего политическую идею – идею-силу. Эта идея всегда формировалась в противостоянии с определенным противником. В качестве примера идеи большого пространства Шмитт рассматривал доктрину Монро с ее постулатом о недопустимости интервенции неамериканских государств в американское большое пространство – западное полушарие. При этом речь не обязательно идет о колонизации, аннексии, военном вторжении. Становление Большого пространства может проходить и другим путем, на основе принятия несколькими государствами или народами единой религии или культуры. Шмитт своей концепцией предвосхитил основные линии современной интеграционной политики.

Шмитту принадлежит концепция «номоса» (синонимы – структура, порядок, закон, уклад) Земли. Под «номосом» он понимает взаимосвязь между организацией земного пространства и особенностями государства, всего его социального устройства и права.

Первый «номос» Земли существовал до Великих географических открытий, когда не были еще известны все океаны и Америка, и поэтому у людей не было глобального представления о планете. Каждый многочисленный народ считал себя центром мира и проводил экспансию, пока не наталкивался на границу, т.е. на организованное военное сопротивление со стороны другого народа.

Великие географические открытия разрушили первый «номос», а открывателями второго «номоса» Земли стали европейские народы, которые разделили планету между собой. Мир стал европоцентричным. Суша была поделена, но море оставалось свободным. Постепенно самая богатая морская держава Англия, победив на море всех своих европейских соперников, захватила мировые океаны (взяла под контроль транспортные пути) и установила равновесие между «землей и сушей». Особой была расстановка сил на европейском континенте, где не допускалась гегемония ни одной континентальной державы. Гарантом стабильности и здесь была Англия. Второй «номос» был разрушен в результате Первой мировой войны. Образовался новый «номос» Земли, который базируется на противостоянии двух «номосов» – «номоса» Земли и «номоса» Моря.

Шмитт пришел к выводу, что это противоположные и враждебные по отношению друг к другу цивилизации. Становление морской цивилизации связано с кораблем, а континентальной – с домом. «Номос» Суши у Шмитта олицетворяет Бегемот, а «номос» Моря – Левиафан (два библейских чудови-

ща, одно из которых воплощает в себе сухопутных тварей, другое – всех водных, морских). Дом (Суша) – это покой, корабль (Море) – это движение. В силу движения Корабль обладает иной средой и иным горизонтом. «Номос» моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания. Цивилизация Моря лидирует и в технологической сфере. Только при освоении мирового океана Корабль становится настоящей антитезой Дома. Море текуче, непостоянно, поэтому государства Моря развиваются на основе принципов либерализма. «Номос» Моря враждебен традиционному обществу. Суша проявляет себя в политической форме как строгая и неподвижная конструкция, консервативная в культурных проявлениях и технических характеристиках. Геополитическое противостояние сухопутных и морских держав обретает у Шмитта глубокий философский, юридический и исторический смысл.

5. Концепции А. Мэхэна и Х. Маккиндера

Идеи Ратцеля и Челлена о взаимозависимости географии и политики, можно сказать, заложили основу геополитики, однако наукой в полном смысле ее сделали Альфред Мэхэн и Гарольд (Хэлфорд) Маккиндер, создавшие глобальные геополитические концепции, объясняющие ретроспективу и перспективу развития мира.

Американский адмирал **Альфред Мэхэн** (1840 – 1914), преподавая историю военного флота в военно-морском колледже в Ньюпорте (Род-Айленд), пришел к убеждению, что морское могущество определяет силу государства. Мэхэн не пользовался термином «геополитика», но методика его анализа и основные выводы точно соответствуют сугубо геополитическому подходу. Практически все его книги были посвящены одной теме – теме «морской силы». Если Ратцель, Маккиндер и Хаусхофер делали упор на преимущество континентальных держав, то Мэхэн, наоборот, выдвинул концепцию преимущества морских или океанических держав.

Признавая первостепенное влияние морских вооруженных сил на историю войн и судьбы государств, Мэхэн попытался установить непосредственную связь между географическим положением государства, «характером народа» и «морской силой». Мэхэн утверждал, что «история прибрежных наций» определялась, прежде всего «условиями положения, протяжения и очертаний береговой линии», а также «численностью и характером населения». Последнее играет роль при сопоставлении «морских» и «сухопутных» наций: если испанцы отличались «жестокостью», то англичане и голландцы были «по природе своей деловыми людьми»; «способность к основанию колоний» объясняется «национальным гением» англичан.

Для Мэхэна главным инструментом политики является торговля. Военные действия должны лишь обеспечить наиболее благоприятные условия для создания планетарной торговой цивилизации. Мэхэн рассматривает экономический цикл в трех аспектах:

- 1) производство (обмен товаров и услуг через водные пути);

- 2) навигация (которая реализует этот обмен);
- 3) колонии (которые производят циркуляцию товарообмена на мировом уровне).

Мэхэн считал, что анализировать позицию и геополитический статус государства следует на основании шести критериев:

1. Географическое положение государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим флотом территории противника.

2. «Физическая конфигурация» государства, то есть конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.

3. Протяженность территории. Она равна протяженности береговой линии.

4. Статистическое количество населения. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.

5. Национальный характер. Способность народа к занятию торговлей, так как морская сила основывается на мирной и широкой торговле.

6. Политический характер правления. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание морской силы.

Из вышеперечисленного видно, что Мэхэн строит свою геополитическую теорию исходя исключительно из «морской силы» и ее интересов. Для Мэхэна образцом «морской силы» был древний Карфаген, а ближе к нам по времени – Британия XVII и XIX вв. Понятие «морская сила» основывается для него на свободе «морской торговли», а военно-морской флот служит лишь гарантом обеспечения этой торговли. Мэхэн идет еще дальше, считая «морскую силу» особым типом цивилизации – наилучшим и наиболее эффективным, а потому предназначенным к мировому господству.

В 1890 г. Мэхэн опубликовал свою первую книгу, ставшую почти сразу же классическим трудом по военной стратегии – «Влияние морской силы на историю. 1660 – 1783». Книга имела громадный успех. Только в США и Англии она выдержала 32 издания и была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский (1895, 1941). Его книгу называли «философией морской силы». В ней Мэхэн попытался доказать, что история Европы и Америки была обусловлена, прежде всего, развитием военно-морского флота. Далее последовали с небольшим промежутком другие работы: «Влияние морской силы на Французскую Революцию и Империю (1793 – 1812)», «Заинтересованность Америки в морской силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» и «Морская сила и ее отношение к войне». Первые две книги сложились из лекций по истории морских войн. Суть главной идеи Мэхэна, настойчиво проводимой во всех его работах, состояла в том, что морская сила в значительной мере определяет исторические судьбы стран и народов. Мэхэн выделял условия, оп-

ределяющие основные параметры морской силы: географическое положение страны, ее природные ресурсы и климат, протяженность территории, численность населения, национальный характер и государственный строй. При благоприятном сочетании этих факторов, считал Мэхэн, в действие вступает формула: **В.Ф. + Т.Ф. + В.М.Б. = морское могущество**, то есть военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество.

Мэхэн обосновывает мысль о неизбежности превращения США в могущественную военно-морскую державу, рассматривая ее как аванпост европейской цивилизации. Выполнить это историческое предназначение, обеспечив господство сначала в обеих Америках (Доктрина Монро (1758 – 1831)), а затем в Мировом океане, США смогут только, имея сильный флот. В книге «Заинтересованность Америки в морской силе» Мэхэн утверждал, что для того, чтобы Америка стала мировой державой, она должна:

- 1) активно сотрудничать с британской морской державой;
- 2) препятствовать германским морским претензиям;
- 3) бдительно следить за экспансией Японии в Тихом океане и противодействовать ей;
- 4) координировать вместе с европейцами совместные действия против народов Азии.

Мэхэн видел судьбу США в том, чтобы не пассивно соучаствовать в общем контексте периферийных государств «внешнего полумесяца», но в том, чтобы занять ведущую позицию в экономическом, стратегическом и даже идеологическом отношениях.

Независимо от Маккиндера Мэхэн пришел к тем же выводам относительно главной опасности для «морской цивилизации». Эту опасность представляют континентальные государства Евразии – в первую очередь Россия и Китай, а во вторую – Германия. Борьба с Россией, с этой «непрерывной континентальной массой Русской империи, протянувшейся от западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке», была главной долговременной стратегической задачей. Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», примененный американским генералом Мак-Клеелланом в североамериканской гражданской войне 1861 – 1865 гг. Этот принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника. В первой мировой войне эта стратегия реализовывалась в поддержке Антанты белому движению, вспомните, все российские порты были захвачены интервентами. Но особенно отчетливо геополитические идеи Мэхэна реализовывались в годы «холодной войны». Идеи Мэхэна были восприняты во всем мире и повлияли на многих европейских стратегов.

Существенный вклад в разработку геополитической трактовки внешней политики государств внес английский исследователь сэр **Хэлфорд Джон Маккиндер** (1861 – 1947). Маккиндер известен своим высоким положением в мире британской политики, на международные ориентации которой он весь-

ма значительно повлиял. Пожалованный в Англии титулом баронета, Маккиндер, подобно своему американскому коллеге адмиралу Мэхэну, был не только кабинетным ученым, но и практическим деятелем, непосредственно участвуя в принятии множества политических решений. Он принимал участие в подготовке Версальского договора, основная геополитическая идея которого отражает сущность его воззрений. Этот договор был составлен так, чтобы закрепить за Западной Европой статус береговой базы для морских сил (англосаксонский мир). Вместе с тем он предусматривал создание лимитрофных государств, которые бы разделяли германцев и славян, всячески препятствуя заключению между ними континентального стратегического альянса, столь опасного для «островных держав» и, соответственно, «демократии». 25 января 1904 г. Маккиндер выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории». Текст этого доклада можно считать, по мнению Александра Дугина, главным геополитическим текстом в истории этой дисциплины. Определенные коррективы в концепцию, сформулированную в этой статье, были внесены им в 1919 и 1943 гг. Как считал Маккиндер, вначале в качестве осевой области истории – срединной земли или хартленда – выделилась Центральная Азия, откуда таттаро-монголы, благодаря подвижности их конницы, распространили свое влияние на Азию и значительную часть Европы. Со времени Великих географических открытий баланс сил изменился в пользу приокеанических стран, в первую очередь Великобритании. Однако, считал Маккиндер в 1904 г., новые средства транспортных коммуникаций, прежде всего железные дороги, снова изменяют баланс сил в пользу сухопутных держав. Исходя из этой постановки он сформулировал свою концепцию хартленда, каковым считал евразийское пространство или Евразию. Маккиндер оценивал последнюю как гигантскую естественную крепость, непроницаемую для морских империй и богатую природными ресурсами, и в силу этого считал ее «осью мировой политики». Хартленд является ключевой территорией в более общем контексте – в пределах Мирового Острова. В Мировой Остров Маккиндер включает три континента – Азию, Африку и Европу. Таким образом, Маккиндер иерархизирует планетарное пространство через систему концентрических кругов. В самом центре – «географическая ось истории» или «осевой ареал». Это геополитическое понятие географически тождественно России. Та же «осевая» реальность называется «хартленд», «земля сердцевины».

Далее идет «внутренний, или окраинный, полумесяц». Это – пояс, совпадающий с береговыми пространствами Евразийского континента. Согласно Маккиндеру, «внутренний полумесяц» представляет собой зону наиболее интенсивного развития цивилизации. Это соответствует исторической гипотезе о том, что цивилизация возникла изначально на берегах рек или морей, – так называемой «потамической теории». Надо заметить, что эта теория является существенным моментом всех геополитических конструкций. Пересечение водного и сухопутного пространств является ключевым фактором истории

народов и государств. Далее идет более внешний круг: «внешний, или островной, полумесяц». Это зона целиком внешняя (географически и культурно) относительно материковой массы Мирового Острова.

Маккиндер сформулировал свою позицию в ставшем известным тезисе: тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует хартленд; кто контролирует хартленд, тот контролирует мировой остров, в который включаются Африка, Азия и Европа; кто контролирует мировой остров, тот контролирует весь мир. Поэтому, утверждал Маккиндер, для предотвращения следующей мировой войны необходимо создать блок независимых стран, расположенных между Германией и Россией, для сохранения баланса сил на евразийском континенте. В 1943 г. Маккиндер утверждал, что если Советский Союз выйдет из войны победителем над Германией, то он превратится в величайшую сухопутную державу на планете. Вместе с тем он подверг значительной ревизии свою первоначальную концепцию. Теперь, по его схеме, хартленд включал помимо громоздкого массива суши северного полушария Сахару, пустыни Центральной Азии, Арктику и субарктические земли Сибири и Северной Америки. В этой схеме Северная Атлантика стала «средиземным океаном». Это пространство он рассматривал как опорную точку Земли, как регион, отделенный от другого главного региона – муссонных территорий Индии и Китая. По мере наращивания мощи этот регион, говорил Маккиндер, может стать противовесом северному полушарию. Предложенную в статье версию Маккиндер назвал «второй географической концепцией».

После второй мировой войны Маккиндер утверждал, что Россия во время войны против фашистской Германии была «спасена» благодаря трем природным барьерам: 1) арктическому побережью, 2) дикой области Лены и Енисея и 3) горной цепи от Алтая до Гиндукуша плюс пустыня Гоби, пустынные области Тибета и Ирана.

В целом идеи Маккиндера не были приняты научным сообществом, несмотря на его высокое положение не только в политике, но и в самой научной среде. Даже тот факт, что почти полвека он активно и успешно участвовал в создании английской стратегии в международных вопросах на основании своей интерпретации политической и географической истории мира, не мог заставить скептиков признать ценность и эффективность геополитики как дисциплины. Вместе с тем концепция Маккиндера оказала исключительно сильное влияние на дальнейшее развитие самой геополитики. Маккиндер пользовался широкой известностью, правда, не столько в Англии, где его концепция не получила широкого распространения, сколько в США, где она была взята на вооружение американскими геополитиками. Концепция Маккиндера, по сути дела, послужила одним из теоретических краеугольных камней при основании знаменитой Мюнхенской школы геополитики, созданной Карлом Хаусхофером. Однако, хотя немецкие геополитики широко использовали теорию Маккиндера, на немецком языке не появилось ни одного его труда просто потому, что его «резко антинемецкая, несправедливая по-

зиция исключает немецкий перевод». Концепция Маккиндера, как уже отмечалось, вызвала волну критики. Поводов для этого было, конечно, достаточно. Однако, на взгляд Ю. Тихонравова, большая часть этой критики была обусловлена тем, что концепция Маккиндера появилась несколько преждевременно. Она по сути своей глобальна, тогда как мир в момент ее появления носил по преимуществу европоцентристский характер. Ее глобальность нашла свое выражение позже, после второй мировой войны, в частности в американской доктрине сдерживания.

Очевидно, что, несмотря на различия между Мэхэном и Маккиндером, которые делали упор соответственно на морскую и сухопутную мощь, они были едины в своих основополагающих позициях. По словам К.С. Гаджиева оба презрительно оценивали демократию и враждебно относились к свободной торговле и самому коммерческому классу. Мэхэн мог одобрительно говорить об использовании морской торговли в качестве источника английской экономической мощи, но в его схеме именно контроль над морями играл решающую роль в восхождении и могуществе Британской империи. А Маккиндер был убежден в том, что экономическая мощь государства никак не зависит от свободной торговли. По его мнению, классические теории разделения труда не только вредны, но и попросту опасны, поскольку свободная конкуренция на мировых рынках чревата войной.

6. «География человека» Поля Видаль де ла Блаша

Поль Видаль де ла Блаш (1845 – 1918) – основатель французской школы “географии человека”, занимающейся главным образом изучением воздействия географической среды на человека, в частности местных природных условий на историю данного района. В 1891 г. Видаль де ла Блаш основал журнал “Annales de Geographic”. Взгляды де ла Блаша складывались под воздействием богатых традиций французской географической и исторической мысли, а также критического осмысления германской политической географии. Теоретические положения Видаль де ла Блаша во многом противостояли концепции основателя геополитики Ратцеля. Именно в оппозиции к германской геополитике развивалась французская интерпретация современных геополитических аспектов международных отношений. Если в центре концепции Ратцеля были понятия пространства, географического положения государства и связанное с “потребностью в территории” понятие “чувство пространства”, то Видаль де ла Блаш в центр своей концепции поставил человека, став основателем “антропологической школы” в политической географии, своеобразного французского альтернативного варианта осмысления геополитических проблем. В отличие от германской политической географии конца XIX – начала XX века, из которой Видаль де ла Блаш почерпнул немало идей, французскому автору был чужд географический фатализм. Он придавал большое значение воле и инициативе человека. Особое внимание Видаль де ла Блаш уделял Германии, которая была главным политическим оп-

понентом Франции в то время. Он считал, что Германия является единственным мощным европейским государством, геополитическая экспансия которого заведомо блокируется другими развитыми европейскими державами. Если Англия и Франция имеют свои обширные колонии в Африке и во всем мире, если США могут почти свободно двигаться к югу и северу, если у России есть Азия, то Германия сдавлена со всех сторон и не имеет выхода своей энергии. Де ла Блаш видел в этом главную угрозу миру в Европе и считал необходимым всячески ослабить этого опасного соседа. Несмотря на вполне немецкое отношение к географическому фактору и его влиянию на культуру, Видаль де ла Блаш считал, что Ратцель и его последователи явно переоценивают сугубо природный фактор, считая его определяющим. Человек, согласно де ла Блашу, есть также “важнейший географический фактор”, но при этом он еще и “наделен инициативой”. Он не только фрагмент декорации, но и главный актер спектакля.

Эта критика чрезмерного возвеличивания пространственного фактора у Ратцеля привела Видаль де ла Блаша к выработке особой геополитической концепции – “поссибилизма” (от лат. *possibilis* — возможный). Согласно этой концепции, политическая история имеет два аспекта – пространственный (географический) и временной (исторический). Географический фактор отражен в окружающей среде, исторический – в самом человеке (“носителе инициативы”). Видаль де ла Блаш считал, что ошибка немецких “политических географов” в том, что они считают рельеф детерминирующим фактором политической истории государств. Тем самым принижается фактор историзма и человеческой свободы. Сам же он предлагает рассматривать географическое пространственное положение как “потенциальность”, “возможность”, которая может актуализироваться и стать действительным политическим фактором, а может и не актуализироваться. Это во многом зависит от субъективного фактора – человека, данное пространство населяющего.

В 1917 г. Видаль де ла Блаш публикует одну из своих фундаментальных работ – книгу “Восточная Франция”, посвященную жизненно важной для Франции геополитической проблеме – проблеме Эльзаса и Лотарингии и в целом восточной Франции. В своем труде Видаль де ла Блаш доказывает исконную принадлежность провинций Эльзас-Лоррэн к Франции и неправомочность германских притязаний на эти области. Вместе с тем он предлагает превратить эти территории, где большинство жителей говорят на немецком языке, в зону взаимного сотрудничества между Францией и Германией.

Главные положения концепции Видаль де ла Блаша в законченном виде изложены в его книге, изданной в 1922 г. (рукопись осталась незавершенной ввиду смерти автора в 1918 г.). Центральным элементом концепции де ла Блаша является понятие локальности развития цивилизации, основу которого составляют отдельные ячейки, очаги. Эти первичные клетки, элементы цивилизации представляют собой очень небольшие общности людей, которые складываются во взаимодействии человека с окружающей природой. В рам-

ках этих относительно изолированных ячеек постепенно и самопроизвольно вырабатываются определенные “образы жизни”. Человек во взаимодействии с окружающей средой формируется сам, обретая себя, в то же время природа раскрывает свои возможности только в рамках этого теснейшего взаимодействия с человеком. Эти “ячейки”, “первичные элементы”, взаимодействуя между собой, постепенно образуют ту ткань цивилизации, которая, расширяясь, постепенно охватывает все большие территории. Это взаимодействие не какой-то продолжающийся поступательный процесс, а отдельные вспышки, сменяющиеся катастрофами, регрессией. Столь же многообразны и противоречивы сами формы взаимодействия “первичных ячеек” цивилизации: от заимствований и слияний до почти полного уничтожения.

Важной особенностью концепции Видаль де ла Блаша является тезис о постепенном преодолении противоречий между морскими и континентальными государствами за счет складывания принципиально новых отношений между землей и морем: континентальные пространства становятся более проницаемыми, разветвленная сеть коммуникаций ориентирует их в сторону морских путей, море в свою очередь все больше становится зависимым от связей с континентальными зонами. Это “взаимопроникновение” земли и моря есть универсальный процесс – таков вывод Видаль де ла Блаша.

Поссибилизм де ла Блаша был воспринят большинством геополитических школ как коррекция жесткого географического детерминизма предшествующих геополитиков. Во Франции, как уже отмечалось, он стал основателем национальной географической школы, представителями которой стали Л. Февр, А. Деманжон, Ж. Готтман, Ж. Брюн, Э. Мартонн и др. Подход де ла Блаша был учтен и немецкими геополитиками школы Хаусхофера, которые считали критику Видаль де ла Блаша вполне обоснованной и важной. В таком случае, очевидно, возрастала роль этнического или расового фактора при рассмотрении политической истории государств, а это резонировало с общим всплеском расовых проблем в Германии 20-х гг.

7. Имперская геостратегия Николоса Спайкмена

Американец голландского происхождения Николас Спайкмен (1893 – 1943) является прямым продолжателем линии адмирала Мэхэна. Спайкмен был профессором международных отношений, а позднее директором Института международных отношений при Йельском Университете. Для него, в отличие от первых геополитиков, сама география не представляла большого интереса, а еще меньше волновали его проблемы связи народа с почвой, влияние рельефа на национальный характер и т.д. Спайкмен рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. В этом смысле он жестко критиковал немецкую геополитическую школу (особенно в книге “География мира”, считая представления о “справедливых или несправедливых границах метафизиче-

ской чепухой". Как и для Мэхэна, для Спайкмена характерен утилитарный подход, четкое желание выдать наиболее эффективную геополитическую формулу, с помощью которой США могут скорейшим образом добиться "мирового господства". Этим прагматизмом определяется строй всех его исследований.

Спайкмен, внимательно изучивший труды Маккиндера, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, несколько отличающийся от модели Макиндера. Основной идеей Спайкмена было то, что Маккиндер, якобы, переоценил геополитическое значение хартлэнда. Эта переоценка затрагивала не только актуальное положение сил на карте мира, в частности, могущество СССР, но и изначальную историческую схему. Спайкмен считал, что географическая история "внутреннего полумесяца", римлэнда, "береговых зон", осуществлялась сама по себе, а не под давлением "кочевников Суши", как считал Маккиндер. С его точки зрения, хартлэнд является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим в самом себе никакой самостоятельной геополитической миссии или исторического импульса. Римлэнд, а не хартлэнд является, по его мнению, ключом к мировому господству. Геополитическую формулу Маккиндера *"Тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлэндом; тот, кто доминирует над хартлэндом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром"* Спайкмен предложил заменить своей *"Тот, кто доминирует над римлэндом доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией держит судьбу мира в своих руках"*.

В принципе, Спайкмен не сказал этим ничего нового. И для самого Маккиндера "береговая зона", "внешний полумесяц" или римлэнд были ключевой стратегической позицией в контроле над континентом. Но Маккиндер понимал эту зону не как самостоятельное и самодостаточное геополитическое образование, а как пространство противостояния двух импульсов "морского" и "сухопутного". При этом он никогда не понимал контроль над heartland в смысле власти над Россией и прилегающими к ней континентальными массами. Восточная Европа есть промежуточное пространство между "географической осью истории" и rimland, следовательно, именно в соотношении сил на периферии heartland'a и находится ключ к проблеме мирового господства. Но Спайкмен представил смещение акцентов в своей геополитической доктрине относительно взглядов Маккиндера как нечто радикально новое. На самом деле, речь шла лишь о некоторой нюансировке понятий.

В своих книгах "Американская стратегия в мировой политике" и "География мира" Спайкмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. Это развитие критериев, впервые предложенных Мэхэном. Они таковы:

- 1) Поверхность территории
- 2) Природа границ

- 3) Объем населения
- 4) Наличие или отсутствие полезных ископаемых
- 5) Экономическое и технологическое развитие
- 6) Финансовая мощь
- 7) Этническая однородность
- 8) Уровень социальной интеграции
- 9) Политическая стабильность
- 10) Национальный дух

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, это почти автоматически означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий стратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной стратегической геополитической протекции.

Помимо переоценки значения *rimland*, Спайкмен внес еще одно важное дополнение в геополитическую картину мира, видимую с позиции "морской силы". Он ввел чрезвычайно важное понятие "*Срединного Океана*" "*Midland Ocean*". В основе этого геополитического представления лежит подчеркнутая аналогия между Средиземным морем в истории Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в древности, и Атлантическим океаном в новейшей истории западной цивилизации. Так как Спайкмен считал именно "береговую зону", *rimland*, основной исторической территорией цивилизации, то Средиземноморский ареал древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента (окультуривание варваров Суши) и на отдаленные территории, достижимые только с помощью морских путей (окультуривание варваров Моря). Подобно этой средиземноморской модели, в новейшее время в увеличенном планетарном масштабе то же самое происходит с Атлантическим океаном, оба берега которого американский и европейский являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономическом смысле западной цивилизации. "Срединный океан" становится, в такой перспективе, не разъединяющим, но объединяющим фактором, "*внутренним морем*". Таким образом, Спайкменом намечается особая геополитическая реальность, которую можно назвать условно "атлантическим континентом", в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагается Атлантический океан. Этот теоретический "континент", "новая Атлантида" связан общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма и демократии, единством политической, этической и технологической судьбы. Особенно Спайкмен настаивал на роли интеллектуального фактора в этом "*атлантическом континенте*". Западная Европа и пояс Восточного побережья Северной Америки (особенно Нью-Йорк) становятся мозгом нового "*атлантического сообщества*". Нервным центром и силовым механизмом являются США и их торговый и военно-промышленный комплекс. Европа оказывается мыслительным придатком США, чьи геополитические интересы и стратегическая

линия становятся единственными и главенствующими для всех держав Запада. Постепенно должна сокращаться и политическая суверенность европейских государств, а власть переходить к особой инстанции, объединяющей представителей всех "атлантических" пространств и подчиненной приоритетному главенству США. Таким образом, Спайкмен предвосхитил важнейшие политические процессы: создание "Северо-Атлантического Союза" (НАТО), уменьшение суверенности европейских держав в послевоенном мире, планетарную гегемонию США и т.д.

Основой своей доктрины Спайкмен сделал не столько геополитическое осмысление места США как "Морской Силы" в целом мире (как Мэхэн), возможно потому, что это уже стало фактом, сколько необходимость контроля береговых территорий Евразии: Европы, арабских стран, Индии, Китая и т.д. для окончательной победы в дуэли континентальных и морских сил. Если в картине Маккиндера планетарная дуальность рассматривалась как нечто "вечное", "неснимаемое", то Спайкмен считал, что совершенный контроль над *rimland* со стороны "морских держав" приведет к окончательной и бесповоротной победе над сухопутными державами, которые отныне будут целиком подконтрольны. Фактически, это было предельным развитием "тактики анаконды", которую обосновывал уже Мэхэн. Спайкмен придал всей концепции законченную форму.

Победа США как «Морской Силы» в холодной войне продемонстрировала абсолютную геополитическую правоту Спайкмена, которого можно назвать «архитектором мировой победы либерал-демократических стран» над Евразией.

С другой стороны, некоторые идеи Спайкмена (особенно его последователя Кирка, развившего еще более детально теорию *rimland*) были поддержаны некоторыми европейскими геополитиками, увидевшими в его высокой стратегической оценке «береговых территорий» возможность заново вывести Европу в число тех стран, которые решают судьбы мира. Но для этого пришлось отбросить концепцию «Срединного Океана». Несмотря на этот теоретический ход некоторых европейских геополитиков (остающийся, впрочем, весьма двусмысленным), Спайкмен принадлежит, без всяких сомнений, к самым ярким и последовательным «атлантистам». Более того, он вместе с адмиралом Мэхэном может быть назван "отцом атлантизма" и «идейным вдохновителем НАТО».

8. Формирование и эволюция геополитических идей русских ученых в XIX – п.п. XX в.

Представители российской общественно-политической мысли внесли немаловажный вклад в разработку геополитических идей. В центре споров и дискуссий неизменно стоял вопрос об отношениях России с Западом и Востоком, Европой и Азией. Первые попытки систематического изложения собственно геополитических идей можно обнаружить в позициях славянофилов

второй половины XIX в., которые разделяли мир на «Святую Русь» и «гниющую Европу», по принципу противопоставления России и Европы. В контексте этих споров и дискуссий внимание концентрировалось на проблеме культурно-цивилизационной самобытности России и необходимости защиты и сохранения этой самобытности как важнейшего условия жизнеспособности и исторических перспектив самой российской государственности. Хотя славянофилы и не переставали говорить о своей любви к «великой старой Европе», они подвергали ее беспощадной критике за якобы поразивший ее духовный кризис. Всячески превознося Святую Русь, они сформулировали и последовательно защищали тезис о ее особом пути развития и высокой миссии.

С данной точки зрения одним из первых геополитиков можно считать Н.Я. Данилевского, которому принадлежит заслуга в разработке теории культурно-исторических типов. По его мысли, славянство – это особый культурно-исторический тип, который не развернул еще своих творческих потенциалов, но которому принадлежит великое будущее. Данилевский изображал дело таким образом, будто «больная» и «гниющая» Европа стала чуть ли не средоточием мирового зла, и видел спасение современного ему мира в панславизме. При этом всячески обыгрывая так называемый восточный вопрос, Данилевский утверждал, что борьба России с Европой неизбежна «из-за обладания Царьградом», поскольку «главнейшая цель русской государственной политики, от которой она никогда не должна отказываться, заключается... в разрушении оттоманского могущества и самого Турецкого государства». Вполне в духе более поздних геополитиков с их географическим детерминизмом Данилевский утверждал, что Константинополь – это некий пуп земли.

Значительно дальше Данилевского в этом направлении шел К.Н. Леонтьев, считавший панславизм слишком либеральным и опасным для жизнеспособности и дальнейшего развития российской государственности, которая, по его словам, будучи более широким и независимым образованием, должна быть «не чем иным, как развитием своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации». По Леонтьеву, чисто славянское содержание русской идеи слишком бедно для всемирного духа России. «Всегдашняя опасность для России, – утверждал он, – на Западе: не естественно ли ей искать и готовить себе союзника на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство – тем лучше». Леонтьев полагал, что самобытную цивилизацию составляет не славянский мир, а Россия со всеми азиатскими владениями. А началом процесса утверждения этой цивилизации – великого восточного монархически-православного союза во главе с Россией – должно стать завоевание Константинополя, что, в свою очередь, должно привести к окончательному разрешению восточного вопроса. Как считал Леонтьев, Западу будет противостоять не славянская федерация, а Восток с греческим и азиатским элементом «под эгидой русского самодержавия». Н.Я. Данилев-

ский, К.Н. Леонтьев и другие авторы попытались выявить и обозначить те аспекты социально-политической и духовной истории России, которые в конечном счете определяли ее исторический и национально-государственный облик и, соответственно, характер ее взаимоотношений с окружающим миром. Главный их просчет состоял в том, что они старались обосновать идею абсолютной самобытности и самоценности России, ее истории, культуры и особой миссии. Исходя из подобных установок, они по сути дела противопоставляли Россию остальному миру, во всяком случае европейскому человечеству. В этом вопросе ближе к истине были, пожалуй, Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев, которые придерживались тезиса о всечеловечности и универсальности русской культуры. Выражая эту позицию, Н.А. Бердяев совершенно справедливо подчеркивал, что «всечеловечский и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения».

В XX в. одна ветвь геополитической мысли стала развиваться в Советской России, другая – в Русском Зарубежье. Можно считать, что единственным автором, развивавшим геополитический подход в Советской России, был профессор страноведения географического факультета Ленинградского государственного университета 20 – 30-х гг. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, который, как и Ратцель, использовал термин “антропогеография”. В результате обобщения представлений зарубежных (Ратцеля, Э. Реклю и др.) и русских (А.И. Воейкова, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, В.И. Ламанского и др.) исследователей о связях территориально-политических (прежде всего государственных) образований и культурных особенностей человечества с их природными предпосылками и историческими особенностями процесса освоения пространства, В.П. Семенов-Тянь-Шанский создал целостную глобальную концепцию геополитики. Ее принципиальные моменты сводятся к следующему:

1) представление об “антропогеографии” как об “итоговом”, синтетическом и многоуровневом знании в структуре географической науки, как о географии “территориальных и духовных господств человеческих сообществ” или “страноведении территориального господства”;

2) привнесение в традиционный географический детерминизм антропологических установок, рассматривающих деятельность человека, в особенности экономическую, как важнейшее звено в процессе формирования территориального господства на базе тех или иных географических факторов;

3) выделение и характеристика форм “могущественно-территориального владения” как совокупного результата действия природных, исторических, экономических и культурных факторов развития, территорий;

4) исследование развития “чрезматериковой” системы территориально-политического могущества России, ее преимуществ, недостатков и перспектив;

5) разработка на русском материале представлений о колониционных базах как генераторах и гарантах территориально-политического могущества;

6) политико-географическое районирование и картографирование России (выделение “цельных в политико-географическом отношении местностей”).

Теория В.П. Семенова-Тян-Шанского в отличие от аналогичных западных концепций не абсолютизировала природно-географический, биологический, исторический, расовый, этнический или иные факторы геопространства либо их сочетания (вроде “жизненного пространства”) в качестве причин развития территориально-политических систем. Антропогеографизм русского ученого требовал рассматривать их в единстве, в том числе с факторами экономического.

Евразийство. Движение евразийцев родилось в Софии в 1921 г., когда четверо молодых российских эмигрантов – экономист П.Н. Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский, философ Г.Д. Флоровский, принявший сан священника, лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой – выпустили в свет сборник статей «Исход к Востоку», который стал своего рода манифестом движения, претендовавшим на принципиально новый взгляд на русскую и мировую историю. В 1922 г. вышла вторая книга «На путях. Утверждение евразийцев», а за ней последовали три ежегодных издания под общим названием «Евразийский временник». В 1926 г. евразийцы выпустили систематическое изложение своей концепции «Евразийство», основные положения которой в сжатой и декларативной форме были обнародованы в 1927 г. в книге «Евразийство. Формулировка 1927 г.». В 1931 г. в Париже вышел сборник «Тридцатые годы», в котором подводились итоги десятилетней деятельности движения. Необходимо отметить и то, что с 1925 по 1937 г. увидели свет 12 выпусков «Евразийской хроники». Экономист Петр Николаевич Савицкий (1895 – 1968) пожалуй, первый и единственный русский автор, которого, в полном смысле слова, можно назвать геополитиком. В 1921 г. вместе с князем Н.С.Трубецким возглавил евразийское движение, в котором геополитические факторы играли центральную роль. Именно Савицкий в большей степени из всех евразийцев интересовался геополитикой. Геополитическая доктрина Савицкого это прямая антитеза взглядам Мэхэна, Макиндера, Спайкмена, Видаля де ла Блаша и других "талассократов". Причем только в данном случае речь идет о законченном и развернутом изложении альтернативной доктрины, подробно разбирающей идеологические, экономические, культурные и этнические факторы. В отличие от славянофилов, Данилевского, Леонтьева и других, возлагавших свои надежды на самодержавное государство, евразийцы исходили из признания того факта, что старая Россия потерпела крах и стала достоянием истории. По их мнению, Первая мировая война и русская революция открыли качественно новую эпоху в истории страны, характеризующуюся не только крушением России, но и всеобъемлющим кри-

зисом полностью исчерпавшего свои потенции Запада, который стал началом его разложения. Нет ни прошлого в лице России, ни настоящего в лице Запада, и задача России – вести человечество к сияющим вершинам светлого будущего. В методологическом плане евразийство мало чем отличалось от ведущих идейно-политических течений того времени – фашизма и большевизма. Не случайно воззрения евразийцев в ряде аспектов были близки позициям получившего в тот период определенную популярность национал-большевизма, синтезировавшего в себе некоторые важнейшие постулаты как фашизма, так и большевизма. Суть евразийской идеи сводилась к тому, что Россия, занимающая срединное пространство Азии и Европы, лежащая на стыке двух миров – восточного и западного, представляет особый социокультурный мир, объединяющий оба начала. Евразийцы делали упор на азиатскую, особенно на туранскую составляющую этого мира, считая Россию преемницей империи Чингисхана, что отличало их от славянофилов. Не отбрасывая ряд интересных наблюдений, высказанных евразийцами, вместе с тем нельзя не отметить, что их проекты содержали множество ошибочных положений, которые в современных условиях выглядят анахронизмами. В евразийской идеологии присутствовали отдельные элементы, реализация которых была бы чревата для России добровольной изоляцией. Так, в одном из манифестов евразийства говорилось: «русскую культуру надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру, мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго». Нельзя принять также убеждение евразийцев в исключительности и особой миссии России в современном мире. Следует отметить, что в большинстве своем русская эмигрантская интеллигенция приняла евразийские идеи довольно прохладно, если не сказать отрицательно. Среди особенно активных критиков евразийства были Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, П.Н. Милюков, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов.

Вопросы для самопроверки

1. Приведите основные положения геополитической концепции Ф. Ратцеля.
2. Почему Ратцель считал, что в будущем доминировать в мире будут континентальные державы?
3. Почему в германской школе геополитики категория «жизненное пространство» стала одной из ключевых?
4. Приведите закон развития государства, предложенный Р. Челленом.
5. В чем заключается концепция «Срединной Европы»?
6. Что понимает К. Хаусхофер под панрегионом? Какие панрегионы выделял геополитик?
7. В чем заключается, по мнению К. Шмитта, отличие «номоса» Суши от «номоса» Моря?

8. Приведите формулу морской силы А. Мэхена. Объясните ее.
9. Какие страны входили в «спорный и оспариваемый пояс» А. Мэхена?
10. Назовите зоны планетарного пространства, которые выделил Маккиндер в 1904 г. Что такое «мировой остров» и «географическая ось истории»?
11. Приведите геополитическую формулу Маккиндера 1919 г. Объясните ее.
12. Какие элементы мирового планетарного пространства выделил Маккиндер в 1943 г.?
13. Какие идеи А. Мэхена и Х. Маккиндера использовал в своей концепции Спайкмен?
14. Почему, по мнению Спайкмена, хартленд не может играть ключевую геополитическую роль в мире?
15. Какие страны Спайкмен в 1942 г. рассматривал в качестве потенциальных союзников США в послевоенный период?

Вопросы для обсуждения

1. Можно ли говорить о влиянии идей Хаусхофера на внешнюю политику нацистской Германии?
2. Какие изменения в мире заставляли Маккиндера корректировать свою геополитическую концепцию?
3. Как вы думаете, почему многие западные ученые считают Маккиндера величайшим из геополитиков?
4. В чем заключаются различия геополитических концепций Х. Маккиндера и Н. Спайкмена?
5. Как после Второй мировой войны американские политики использовали идеи Мэхена и Спайкмена?
6. Устарели или нет представления классиков геополитики?

Лекция 3. Геополитические теории второй половины XX века

Перед геополитикой «второй волны» стояла задача осмыслить новые реальности после окончания Второй мировой войны. Далеко не случайно, что центром геополитики нового поколения стали Соединенные Штаты, ибо теперь они играли роль лидера западного мира. Геополитики периода холодной войны должны были решить несколько проблем. Во-первых, необходимо было реабилитировать геополитику как науку, которая устойчиво ассоциировалась с нацистским режимом. Во-вторых, потребовалось адаптировать геополитические концепции, прежде описывавшие многополярный мир, к условиям биполярного мира и американского лидерства в западном мире. И, наконец, третье, бурный технологический прогресс привел к появлению трансконтинентальной авиации и ракетно-ядерного оружия. В геополитике оформилось целое направление, изучающее влияние ядерного оружия на глобальный баланс сил.

На Западе после Второй мировой войны стали разделять немецкую геополитику (Geopolitik) и «хорошую» англо-саксонскую геополитику (Geopolitics). Дж. Слоэн считает, что главное отличие немецкой геополитики от классической англо-американской геополитической теории заключается в том, что немецкая геополитика придерживалась жесткого географического детерминизма

Попытку пересмотра традиционных геополитических концепций в условиях ракетно-ядерного века предпринял французский генерал и исследователь Пьер Галлуа (1911–2010). В 1960 г. он выпустил книгу «Стратегия в ядерный век». По его мнению, новым геополитическим фактором наряду с пространственно-территориальными характеристиками государства стало появление и распространение ракетно-ядерного оружия, которое как бы уравнивает силу владеющих им государств, независимо от их географического положения, размеров, удаленности друг от друга, количества населения и т.д. Галлуа приводит пример маленькой Дании, которая в годы Второй мировой войны не смогла противостоять нацистской Германии. Наличие же у Дании ракетно-ядерного оружия коренным образом изменило бы ее безопасность. Агрессор вряд ли решится на нападение, если будет знать, что подвергнется настолько сильному удару, что в сравнении с ним преследуемая цель потеряет всякое значение. Наличие даже одной датской подводной лодки с ядерным оружием, таким образом, могло бы создать своего рода равновесие сил по отношению к более сильному агрессору.

Также Галлуа одним из первых обратил внимание на освоение космического пространства, которое будет иметь важные геополитические последствия.

Известный американский геополитик Колин Грэй (р. 1943 г.) в работе «Геополитика ядерной эры: хартленд, римленд и технологическая революция» дал очерк военной стратегии США и НАТО, в котором ставил место расположения ядерных объектов в зависимости от географических и геополитических особенностей регионов. Грэй подчеркивал, что, несмотря на появление ракетно-ядерного оружия, «великие теории» Х. Маккиндера и Н. Спайкмена сохраняют силу.

Атлантизм. Представители атлантизма развивали концепции классической англо-американской геополитики. При этом отправной точкой их рассуждений были идеи Маккиндера и Спайкмена.

Американский геополитик **Роберт Страус-Хюпе** настаивал на том, что Северная Америка (прежде всего США) – это ключевой геостратегический регион, который выполняет роль стабилизатора глобального баланса сил. Часто цитируются следующие слова Страуса-Хюпе: «В интересах не только США, но и всего человечества, чтобы существовал один центр, из которого осуществлялся бы балансирующий и стабилизирующий контроль, сила арбитра, и чтобы этот балансирующий и стабилизирующий контроль находился в руках Соединенных Штатов».

Еще в 1945 г. Страус-Хюпе предположил, что послевоенный мир будет двухполюсным. Он предсказывал кристаллизацию двух полюсов в самодостаточные политические и экономические блоки.

В своих послевоенных работах Страус-Хюпе отстаивал идею выстраивания нового баланса сил в послевоенном мире. Он рассматривал мировую стратегическую ситуацию в духе работ Маккиндера 1900–1910-х гг. как противостояние континентальной империи Евразии (Советского Союза) и морских держав.

В опубликованной в 1956 г. статье **Дональда Мейнинга** (р. 1924 г.) «Хартленд и римленд в евразийской истории» корректировались положения, выдвинутые Маккиндером и Спайкменом. До Мейнинга американская геополитика опиралась на понятия военно-стратегического баланса сил. Мейнинг же предложил расширить исследовательское поле геополитики путем включения в него изучения культуры. Развивая идеи Маккиндера, Мейнинг пришел к выводу о существовании особых морской и континентальной культур.

Геополитик предложил разделить римленд на три типа по культурной принадлежности:

- 1) пространства, тяготеющие к хартленду – Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия (страны с континентальной культурой);
- 2) геополитически нейтральные территории – Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия (страны, не имеющие явных предпочтений в культурных ориентациях);

3) пространства, ориентирующиеся на Атлантику (талассократию) – Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Тайланд (страны с морской культурой).

Несмотря на то, что Китай и Индия значительной частью своих территорий обращены к океану, Мейнинг считал их сугубо континентальными культурами. Европейская часть Евразии также, по Мейнингу, в течение длительного времени была ориентирована на континентальные установки. Морская культура, считал Мейнинг, возникла поздно и только в Западной Европе. Таким образом, первоначальная ориентация человеческих культур – это континентальная ориентация, а возникновение культур с морской ориентацией пришлось на достаточно позднюю стадию развития человечества.

Геополитик писал, что промышленная революция резко изменила динамику соотношения континентальных и морских культур в пользу последних. С появлением новых коммуникационных средств экспансия морских культур резко увеличилась. Только в XIX в. страны римленда отошли от привычной континентальной ориентации и стали развивать элементы морской культуры, превращаясь в страны морской культурной ориентации

Мейнинг предложил рассматривать биполярное противостояние в годы холодной войны не только как противостояния двух военно-политических блоков, но и как противостояние культурных миров. Геополитик предпринял попытку внести культурную компоненту в геополитическую теорию.

Концепция «культурной географии» Мейнинга стала реакцией геополитической мысли США на определенные неудачи проводимой в период 1946–1953 гг. политики сдерживания. Ослабленный войной СССР оказался могучим противником. Его влияние росло на евразийском континенте, в Латинской Америке и Африке. Стремление рационально объяснить этот феномен привело Мейнинга к анализу культурного влияния Москвы. Набор ценностей и культурная ориентация, которые предлагал СССР, оказывались более привлекательными в тот период. Американские политики были вынуждены изменить тактику в холодной войне в начале 1950-х гг. и обратить самое пристальное внимание на вопросы идеологии и культуры. Два военно-политических блока, по мнению Мейнинга, являлись и культурными блоками.

Американский геополитик **Сол Коэн** (р. 1924 г.) в начале 1960-х гг. пришел к выводу, что концепции Маккиндера и Спайкмена уже не соответствуют мировым реалиям. Коэн отверг доктрину сдерживания как нереалистичную. Политика сдерживания в зоне римленда, говорил Коэн, похожа на запираание дверей конюшни, откуда лошадь уже сбежала. Геополитик обратил внимание на возрастание роли региональных геополитических структур.

В книге «География и политика в разделенном мире» (1963 г.) Коэн писал, что разделенный мир есть геополитическая реальность. Земное пространство геополитик разделил на две **геостратегических сферы: 1) зависимый от торговли морской мир, и 2) евразийский континентальный**

мир. Каждая из них состоит из промышленного ядра и аграрно-сырьевой периферии. США («морское кольцо Соединенных Штатов» с прямыми выходами к трем океанам) составляют ядро зависимого от торговли морского мира и на них лежит главная ответственность за его экономическое развитие и стратегическую безопасность. Западная Европа (Козн называет ее «морской Европой») представляет собой второе ядро.

Ядром евразийского континентального мира является Советский Союз, точнее – российский промышленный район, охватывающий европейскую часть Советского Союза, Урал, Западную Сибирь и Северный Казахстан. Вторым ядром Козн считал Китай.

Геостратегические сферы подразделяются на геополитические районы по признакам общности образа жизни, исторических и культурных связей, потоков миграций и географической близости.

Зависимый от торговли морской мир включает в себя следующие **геополитические регионы**:

- 1) Англо-Америка и Карибский бассейн;
- 2) морская Европа и Магриб;
- 3) удаленная от континента часть Азии и Океания;
- 4) Южная Америка.

Евразийский континентальный мир состоит из двух геополитических регионов:

- 1) хартленд и Восточная Европа
- 2) Восточная Азия.

Южная Азия, считал Козн, вполне обладает качествами отдельного геополитического региона и может стать таковым в ближайшем будущем.

Между двумя геостратегическими сферами Козн поместил два так называемых **«разъединительных пояса»** (Shatterbelts) – Ближний и Средний Восток и Юго-Восточную Азию. «Разъединительный пояс» определяется им как большой и стратегически важный регион, который включает несколько конфликтующих государств и находится между сталкивающимися интересами геостратегических областей, поэтому на них постоянно оказывается внешнее давление. Эти регионы недавно освободились от колониальной зависимости и характеризуются высокой степенью нестабильности. «Разъединительные пояса» Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии контролируют стратегически важные морские пути. Они специализируются на производстве и добыче специфической сельскохозяйственной продукции и стратегического сырья. Многие проходящие по ним сухопутные пути ориентированы на важные районы Евразийского континентального мира. Все это вместе обуславливает жизненную заинтересованность обоих геостратегических областей в контроле над этими районами.

Великие державы двух геостратегических сфер имеют в «разъединительных поясах» союзников. Однако ни СССР, ни США не могут добиться своего доминирования в этих областях. Это поддерживает буферные качест-

ва «разъединительного пояса». Коэн писал, что если Ближний Восток потеряет качество «разъединительного пояса» и попадет под контроль Москвы, то морская Европа окажется в смертельной опасности. Западным державам не следует пытаться все страны пояса сделать своими союзниками, вполне приемлемым является вариант нейтралитета.

В 1988 г. американский геополитик Колин Грэй (р. 1943 г.) выпустил книгу «Геополитика сверхдержавы». В ней он утверждал, что СССР, осуществляя мировую экспансию, «перепрыгнул» за кольцо сдерживания и утвердился по другую сторону римленда. Москва приобрела союзников в Африке и Центральной Америке. Поэтому США следует пересмотреть разработанную во второй половине 1940-х гг. политику «пассивного сдерживания» в римленде и направить ее на те регионы, которые находятся вне римленда, при этом ключевым регионом для США остается все же Евразия. Такая геостратегия была названа «динамическим сдерживанием». Геополитик предсказывал длительное соперничество Вашингтона и Москвы.

Известный американский геополитик польского происхождения **Збигнев Бжезинский** (р. 1928 г.) характеризовал противостояние США и СССР как «соперничество между океанской и континентальной имперскими системами» за контроль над Евразией. По мнению геополитика, вследствие появления ядерного оружия конфликт между США и СССР превратился в бесконечную «игру».

Советская геостратегия в изображении Бжезинского воспроизводила геополитические приоритеты дореволюционной России. Главной задачей Советского Союза Бжезинский считал «выдворение Америки из Евразии». Он обращал внимание на парадоксальность географического положения СССР. В военном плане он доминирует над огромным континентом, но в то же время является объектом особого рода изоляции и даже окружения, не имея свободных выходов в мировой океан. Геополитик выделял три направления возможного стратегического наступления Советского Союза: на запад через центр Европы, причем северо-западный фланг достигает архипелага Шпицберген, а юго-западный – идет на Дарданеллы и даже на Танжер; на восток к Курильским островам и через Маньчжурию к портам Желтого моря и на юг через Иран к Персидскому заливу. Если советским руководителям, считал Бжезинский, удастся когда-либо достичь этих рубежей, то СССР добьется господствующего геополитического положения в Евразии.

Таким образом, западные геополитические концепции в период холодной войны были во многом развитием и адаптацией к новой международной ситуации идей классиков англо-американской геополитики А. Мэхена, Х. Маккиндера и, особенно, Н. Спайкмена. В то же время усложнение мира, несводимость международных процессов к упрощенной биполярной модели требовали новых идей. Однако в целом большинство геополитиков продолжали мыслить «биполярными» категориями, что во многом предопределило кризис западной геополитики в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Вопросы для самопроверки

1. Почему перед западными геополитиками после Второй мировой войны встала проблема переосмысления концепций классиков?
2. Какое влияние на безопасность государства, по мнению П. Галлуа, оказывает наличие у него ракетно-ядерного оружия?
3. Какие государства Д. Мейнинг относит к странам с морской культурой? Когда и по каким причинам активизируется экспансия морской культуры?
4. Какие цели, по мнению К. Грэя и З. Бжезинского, преследовал Советский Союз в годы холодной войны?
5. В чем заключается концепция «динамического сдерживания» Грэя?
6. Назовите «разъединительные пояса», которые выделил Коэн. Какую роль они играют?

Вопросы для обсуждения

1. Сравните геополитические концепции Д. Мейнинга, К. Грэя и З. Бжезинского. Выделите в них элементы, заимствованные у Маккиндера и Спайкмена.
2. В чем заключалась новизна геополитических концепций Д. Мейнинга и С. Коэна?

Лекция 4. Современные геополитические концепции

Исчезновение блокового противостояния СССР и США, которое означало окончание холодной войны, сформировало принципиально новую ситуацию в мире. Геополитика после распада биполярной системы стремится осмыслить новые мировые реалии. На смену «второй волне» геополитической теории приходит «третья волна», геополитика современного постбиполярного мира.

На Западе, и в первую очередь в США, в настоящее время идут поиски новой геополитической парадигмы, которая должна окончательно прийти на смену классическим геополитическим доктринам и построениям западных геополитиков периода «холодной войны».

Многие десятилетия геополитическая наука акцентировала внимание на конфликте: «Суши» и «Моря», хартленда и римленда, «Леса» и «Степи» и т.д. Однако в современном мире такой акцент представляется необоснованным. Не случайно, Пьер Галлуа предложил определить современную геополитику как «неконфронтационную». Современная геополитика должна стать геополитикой не разделенного, а взаимозависимого мира.

Следует подчеркнуть, что геополитика не состоит из вечных императивов (например, противостояние морских и континентальных держав и т.д.), она исторически изменчива. Очевидно, именно в последние несколько десятилетий международная система приобрела действительно всепланетарный характер. При таком положении вещей вряд ли правомерно применить к современному миру в какой бы то ни было форме геополитическую формулу Маккиндера: «кто доминирует над хартлендом, ... тот господствует в мире». По этой формуле североамериканский, да и азиатско-тихоокеанский центры силы оказались бы на периферии, что явно противоречит реальному положению вещей.

К тому же, геополитика как наука должна соблюдать принцип политической нейтральности, не превращаясь в служанку тех или иных политических сил и заложницу их амбициозных планов.

1. Неоатлантизм. Концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона.

Неоатлантизм, являясь наследником концепций Маккиндера и Спайкмена, продолжает развивать традиционную для атлантизма линию конфронтации с хартлендом, которая считается не законченной и после краха коммунистического содружества, и предрекает образование новых евразийских блоков.

Американский геополитик Самюэль Хантингтон (1927–2008) вскоре после распада СССР (в 1993 г.) выступил с на шумевшей статьей «Столкновение цивилизаций». В своих многочисленных статьях Хантингтон разъяснял и дополнял новыми аргументами свою концепцию.

Концепция Хантингтона излагается в русле цивилизационной парадигмы в геополитике. Она предполагает, что цивилизационная идентичность является главным фактором, интегрирующим геополитическое пространство.

В статье «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон обращается к истории. По его мнению, с XVI до конца XVIII вв. конфликты в западном мире разворачивались между монархами. На смену им в XIX в. пришли конфликты между нациями. После российской революции 1917 г. главным становится конфликт идеологий. XX в. был веком противостояния идеологий: коммунизма, нацизма и либерализма. В годы холодной войны конфликт двух сверхдержав также имел идеологический характер. Крах Советского Союза не означает, что мир будет развиваться бесконфликтно. XXI столетие, заявил американский геополитик, станет веком столкновения цивилизаций.

По мнению С. Хантингтона, видимая геополитическая победа атлантической цивилизации (талассократии) над теллурократией, которую олицетворял СССР, на самом деле затрагивает лишь поверхностный срез действительности. Стратегическая победа Запада в холодной войне не есть цивилизационная победа. В новом мире источником конфликтов станет уже не идеология и не экономика, а цивилизационные (в первую очередь религиозные) различия.

Хантингтон ставит проблему идентичности людей в современном мире. В мире после окончания холодной войны основные различия между людьми и между народами носят цивилизационный характер. Люди самоопределяются, отталкиваясь от истории своих предков, религии, языка, ценностей, обычаев, институтов. Они стремятся идентифицировать себя с такими культурными сообществами, как племена, этнические группы, религиозные общины, нации и, в самом широком плане, цивилизации. Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность.

Под цивилизацией Хантингтон понимает «широчайшую культурную общность». Важнейшим критерием выделения цивилизаций для Хантингтона выступает религия.

Геополитик выделил восемь цивилизаций:

- 1) западная (атлантическая),
- 2) славяно-православная,
- 3) конфуцианская (китайская),
- 4) японская,
- 5) исламская,

- 6) индуистская,
- 7) латиноамериканская,
- 8) африканская (возможно).

Запад как был, так в ближайшем будущем останется самой могущественной цивилизацией, считает Хантингтон. Однако его влияние снижается, одновременно растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций.

Экспансия Запада способствовала модернизации и вестернизации незападных обществ. Ответ их политических и интеллектуальных лидеров на западное влияние принимал одну (или больше) из трех форм: отвержение как модернизации, так и вестернизации, принятие того и другого, принятие первого и отказ от второго.

Первый вариант – отвержение – характеризует позицию Китая вплоть до последней трети XIX в. Однако уже в XIX в. становится ясно, что изоляционистская позиция не имеет перспектив. В XX в. такая политика становится просто невозможной.

Второй возможный ответ на «вызов» Запада – кемализм. Он предполагает модернизацию на основе вестернизации.

И, наконец, третий вариант – реформизм. Он предполагает модернизацию при сохранении ценностей, практики и институтов коренной культуры общества. В Японии эта мысль была сформулирована как «японский дух, западная техника». Этот вариант стал наиболее распространенным и весьма эффективным в азиатском мире. Оказалось, что модернизация способствует возрождению интереса к национальной культуре. В результате мусульманские страны становятся более исламистскими по своей идеологии, стилю жизни и институтам.

Вывод Хантингтона неутешителен для Запада: «Мир в основе своей становится более современным и менее западным». Западная культура утрачивает былую привлекательность, и эта тенденция входит в противоречие со стремлением Запада, в особенности США, придать западной культуре статус универсальной. Нет никаких оснований ожидать складывания единой универсальной цивилизации на основе западных ценностей. Мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными. «Запад уникален, но не универсален», – заявил Хантингтон. Окончание холодной войны означает и завершение западной фазы международной политики.

Центральная ось мировой политики теперь проходит там, где могущество и культура Запада соприкасаются с могуществом и культурой незападных цивилизаций. Незападные общества, обретая независимость, стремятся освободиться от западного экономического, военного и культурного господства. В наступившем веке столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Запад окажется в ситуации противостояния с

незападными цивилизациями по формуле «The West and The Rest» («Запад и все остальные»).

Наиболее кровопролитные конфликты будут происходить вдоль линий цивилизационных разломов. «Линии разлома между цивилизациями, – заявил Хантингтон, – это и есть линии будущих фронтов».

Хантингтон выделяет следующие линии разлома между цивилизациями: между западной и православной (по Восточной и Юго-Восточной Европе); между западной и исламской (Северная Африка, Ближний и Средний Восток); между арабо-мусульманским миром и миром чернокожей Африки; между исламской и индуистской цивилизацией – конфликт между Пакистаном и Индией; между славяно-православной и исламской цивилизациями (Кавказ, бывшая Югославия, Центральная Азия) и т. д.

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, будут пытаться заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. В этом случае срабатывает «синдром братских стран».

Опасность для западной цивилизации представляет экспансия конфуцианской и западной цивилизаций. Хантингтон считает, что западной цивилизации следует привлечь на свою сторону близкие цивилизации (латиноамериканскую, российскую и японскую). Наибольшую угрозу для Запада представляет возможное образование «конфуцианско-исламского блока».

Концепция Хантингтона во многом следует традициям классической англо-американской геополитики. Его практические рекомендации явно базируются на концепциях Мэхена, Спайкмена и последователей. Когда Хантингтон выдвигает формулу «Запад и все остальные», то он имеет в виду, прежде всего, дихотомию морских и континентальных держав. Когда геополитик выделяет в качестве наиболее вероятных противников Запада Китай и исламские государства, то в этом подходе явно сказывается влияние теории римленда Спайкмена и геополитиков-атлантистов Д. Мейнинга и др. Последние полагали, что ориентация стран «береговых зон» (государства исламской и конфуцианской цивилизации относятся к ним) важнее для западных держав, чем позиция хартленда. Таким образом, Хантингтон опасается образования антизападного блока в римленде.

2. Мондиализм. Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы.

Слово «мондиализм» образовано от французского monde (мир) и означает движение за объединение мира и создание мирового правительства. Мондиализм постулирует неизбежность планетарной интеграции и создание единого планетарного образования, в котором будут ликвидированы этнические, национальные, религиозные и культурные границы. Идеи мондиализма воплотились при создании Лиги наций (1919 г.) и Организации объединенных наций (1945 г.).

В 1960–1970-е гг. на Западе была популярна идея **конвергенции** (от лат. *convergo* – сближаю). Предлагалось преодоление идеологического и геополитического противостояния двух сверхдержав. «Мировое правительство», которое могло бы появиться на основе теории конвергенции, мыслилось как допущение Москвы до атлантического управления планетой совместно с Вашингтоном. В этом случае наступала эпоха всеобщего мира, холодная война заканчивалась.

Выдвигалась идея создания некоего промежуточного общества между социализмом и капитализмом, чистым атлантизмом и чистым континентализмом. Советский строй должен был эволюционировать в русле умеренной, социал-демократической, ревизионистской версии марксизма путем отказа от тезисов диктатуры пролетариата, классовой борьбы, национализации средств производства и отмены частной собственности. Капиталистический Запад должен был ограничить свободу рынка, ввести частичное государственное регулирование экономики и т.д.

В 1989 г. американским политологом **Френсисом Фукуямой** была опубликована статья «Конец истории?». Под концом истории ученый понимает не остановку жизни и прекращение потока событий, а полную реализацию определенной исторической задачи, достижение исторической цели. Жизнь после этого продолжается, но уже как воспроизводство заданной исторической формы, у которой нет больше никаких альтернатив. Фукуяма утверждал, что человечество от темной эпохи «закона силы», «мракобесия» и «нерационального менеджирования социальной реальности» двигалось к наиболее разумному строю, воплотившемуся в капитализме, современной западной цивилизации, рыночной экономике и либерально-демократической идеологии. Падение СССР знаменует собой падение последнего бастиона иррационализма. Наступает конец истории в том смысле, что у и либерально-демократической идеологии не осталось жизнеспособных альтернатив. Конец истории означает «завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления». Мир после «конца истории» будет в идеологическом аспекте бесконфликтным. Дальнейшее развитие истории представлялось как победное, не встречающее препятствий шествие либеральных ценностей западной цивилизации по всему мировому культурно-цивилизационному пространству.

События 11 сентября 2001 г. подтолкнули американского политолога к переосмыслению своей позиции. В 2002 г. он выступил со статьей «Началась ли история опять?». Фукуяма по-прежнему считает, что главные его выводы 1989 г. верны. Западные ценности и институты вполне приемлемы для многих, если не для большинства незападных народов. Однако новый вызов западной либеральной цивилизации идеологический вызов бросил радикальный ислам. История началась снова и теперь Западу, который обладает неоспоримыми преимуществами, предстоит побороть исламо-фашизм.

3. Концепция униполярного мира А. Страуса

Достаточно проработанную версию униполярной модели мира представил американский политолог **Айра Страус**. Устройство мира Страус представил в виде концентрических кругов.

По его мнению, в XX в. система МО последовательно эволюционировала от многополярности к биполярности и затем к униполярности. После Второй мировой войны происходит консолидация Запада, что является предпосылкой формирования униполярности. Под униполем Страус понимает баланс сил государств, между которыми в любом случае не может возникнуть войны. В годы холодной войны западное униполюе продолжало расти, оно включило и державы, проигравшие Вторую мировую войну – ФРГ и Японию. В период холодной войны устройство мира можно представить в виде 2-х систем концентрических кругов. Первую систему составило западное униполюе во главе с США, вторую систему – мировая социалистическая система во главе с Россией. США осуществляли свою гегемонию через такие институты как Организация Североатлантического договора, Европейское сообщество, Организация экономического сотрудничества и развития, «Большая Семерка» и т.д. Советский Союз опирался на Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи. На периферии каждой системы концентрических кругов имела группа прозападных и просоветских государств и политических движений по всему миру. Таким образом, устройство мира в годы холодной войны напоминало земляной орех. В конце 1980-х гг. СССР решил присоединиться к западному униполюю и «мы оказались в современном униполярном мире».

Современное мироустройство А. Страус представил следующим образом. Глобальное (западное) униполюе включает демократические индустриальные страны. Преимущественно это страны, которые являются членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В ядре униполюя находятся США, в более широком центре также Европейский Союз и Япония. Лидерство США носит характер первенства среди равных и друзей, а не господства одной державы над сопротивляющимися подчиненными партнерами.

Россия в концепции Страуса рассматривается как геополитическая периферия. Однако в будущем ей обязательно следует войти в глобальное униполюе, так как вне его Россия может стать лидером глобального сопротивления господству Запада. В этом случае мировой порядок может в некотором отношении вернуться к биполярной форме с сильно ослабленной восточной половиной. Но это будет лишь альянс мятежных национализмов, а не альтернативный проект мирового порядка. Дело заключается в том, что у России недостаточно ресурсов для реализации своих интересов через противостояние униполюю, но ресурсов хватит, чтобы «ввергнуть мир в хаос и заставить страдать вместе с россиянами народы, живущие в пределах униполюя». По

мнению Страуса, вхождение в униполюс в интересах России, так как она может эффективно отстаивать свои интересы лишь через участие в униполярных процессах. Запад в первой половине 1990-х гг. слишком медленно интегрировал Россию в глобальный униполюс, что вызвало в нашей стране реакцию против униполярности.

По мнению Страуса, Китай войдет в глобальный униполюс лишь в долгосрочной перспективе.

Определенную угрозу для глобального униполюса представляют экстремистские мятежи против лидерства Запада. Это может быть мятеж исламского мира. Исламский фундаментализм в случае обладания оружием массового уничтожения способен нанести громадный урон глобальному униполюсу, однако он все же не является глобальным вызовом лидерству Запада.

Концепция А. Страуса стала одной из наиболее глубоких геополитических моделей однополярного мира, предложенных западными учеными. В 1990-е гг. она расценивалась многими специалистами как достаточно достоверная, однако события и тенденции 2000-х гг., в том числе заметное усиление роли Китая, Индии и других развивающихся стран в мировой экономике и политике, явно не укладываются в модель Страуса.

4. Геополитические взгляды неоконсерваторов.

Неоконсерватизм как интеллектуальное течение зарождается в США в 1970-х гг. «Крестным отцом» неоконсерватизма считается журналист Ирвинг Кристал (1920–2009), который в юности увлекался идеями троцкизма. Яркими представителями неоконсерватизма являются журналист Чарльз Краутхаммер (р. 1950 г.) и политолог Роберт Кейган (р. 1958 г.).

Активную роль неоконсерваторы стали играть с приходом к власти администрации Р. Рейгана. В этот период, как отмечают исследователи, неоконсерваторы контролировали американскую политику в интеллектуальном и практическом плане. С приходом в Белый дом администрации Дж. Буша-мл. и особенно после терактов 11 сентября 2001 г. влияние неоконсерваторов на внешнюю политику США вновь резко возросло и оставалось очень сильным вплоть до избрания президентом Б. Обамы.

Чарльз Краутхаммер в статье «Униполярный момент» в начале 1991 г. возвестил о наступлении эпохи однополярности (униполярности). Центром нового мира, писал Краутхаммер, является бесспорная супердержава – Соединенные Штаты, поддерживаемая своими западными союзниками. По его прогнозу, эта ситуация будет сохраняться в течение десятилетий. США – единственная страна, военные, дипломатические, политические и экономические ресурсы которой достаточны, чтобы быть главным игроком в конфликте в любой части мира.

Роберт Кейган заявляет, что представление о наступлении принципиально иной эпохи, бесконфликтного мира, «конца истории» оказались миражом, иллюзией. Миропорядок XXI века будет скорее напоминать порядок

XIX столетия, ибо соперничество государств-наций по-прежнему определяет ход истории.

Кейган согласен с тезисом, что современный мир является однополярным, США остаются единственной сверхдержавой. Однако международная конкуренция великих держав обостряется. США, Россия, Китай, Европа, Япония, Индия, Иран и другие страны соперничают друг с другом за региональное господство. Нельзя говорить о «конце истории» и в идеологическом смысле. В XXI веке разгорается борьба между либерализмом и автократией. Этот конфликт был главным, считает Кейган, начиная с эпохи Просвещения, лишь в период холодной войны на первый план вышло соперничество капитализма и коммунизма.

В настоящее время в России и Китае происходит укрепление автократических форм правления, пишет Кейган. Правители этих стран считают, что для их народов автократия предпочтительнее демократии. Внешняя же политика государств неизбежно отражает его внутреннюю природу. «Из Москвы и Пекина мир видится совсем иным, чем из Вашингтона, Лондона, Берлина и Парижа», – отмечает геополитик. Например, обе «автократические» державы сходным образом отреагировали и на вмешательство НАТО в Косово в 1999 году. Если либеральный Запад считал эти действия высокоморальным актом, «гуманитарной» интервенцией, то, по мнению государственного руководства и аналитиков в Москве и Пекине, они были противоправным актом, агрессией, преследующей корыстные цели.

На международной арене все очевидней становится глобальное соперничество между демократией и автократией («осью демократии» и «клубом диктаторов»), мировые державы вновь разделяются на два противостоящих лагеря. Оформляется новый идеологический раскол мира. Появляются признаки нового «железного занавеса». Автократические державы, равно как и демократические, будут стремиться к консолидации в мировом масштабе. Запад теряет монополию на процесс глобализации и миропорядок развивается в направлении нового глобального соперничества двух лагерей.

Кейган выступает с критикой концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. По его мнению, в современном мире азиатские демократические государства объединяются с европейскими демократическими государствами против азиатской автократии.

Таким образом, Кейган выступает с достаточно пессимистичным видением нового геополитического порядка. Он предрекает, что новая глобальная конкуренция между демократическими и автократическими правительствами станет доминирующей тенденцией геополитики XXI столетия.

5. Геополитические концепции З. Бжезинского.

Первой попыткой переосмыслить американскую геостратегию в условиях упадка мощи СССР стала статья Збигнева Бжезинского «Новая американская геостратегия» (1988 г.). Геополитик подчеркивал, что Советский

Союз уже не может считаться конкурентом Соединенных Штатов в социальной, экономической и идеологической сферах, он не в состоянии бросить вызов американскому лидерству. Прогнозируя нарастание трудностей советских режимов в Восточной Европе, он призывал США активизировать контакты с этими странами. У США, считал Бжезинский, теперь нет конкурентов. Ни Западная Европа, ни Япония не могут в обозримом будущем стать центрами мощи, сопоставимыми с Америкой.

В своей книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI века», опубликованной в 1993 г., Бжезинский писал, что исчезновение Российской империи, при условии, что она не возродится, означает прекращение существования геополитического вызова Соединенным Штатам. Он с удовлетворением констатировал, что «с геостратегической точки зрения... крушение расположенной в сердце материка империи означало прекращение продолжавшихся на протяжении 40 лет попыток изгнания США из Евразии». Бжезинский утверждал, что распад Советского Союза привел к геополитическому вакууму в сердце Евразии, что является главной причиной конфликтности по периметру всего постсоветского пространства. Оно превратилось в «черную дыру» современной истории.

Своего рода итог размышлениям Бжезинского о роли Америки в новом мировом порядке был подведен в изданной в 1997 г. книге «Великая шахматная доска» и статьях 1997–1998 гг., которые дополнили книгу.

Соединенные Штаты Бжезинский считал неоспоримым мировым лидером, первой и последней настоящей сверхдержавой в мире, альтернативой американскому лидерству может быть только анархия в мировом масштабе. Америка выступает в роли арбитра в Евразии и нет ни одной крупной евразийской проблемы, которая может решаться без участия Америки или вразрез с ее интересами. Соединенные Штаты должны закрепить существующий на карте Евразии геополитический плюрализм, что исключит возможность образования враждебных коалиций, способных бросить вызов лидерству США.

На западном фланге Евразии главной целью Америки должно быть продолжение расширения европейского демократического плацдарма, который рассматривается как «трамплин» для продвижения в Евразии американских интересов. На Дальнем Востоке ключевая роль Китая будет возрастать и Соединенным Штатам необходимо достигнуть с ним политического согласия.

В центре Евразии, писал Бжезинский, будет продолжать зиять политическая черная дыра, пока Россия окончательно не откажется от собственного имперского прошлого. В это время Средняя Азия может превратиться в очаг этнических конфликтов и споров между великими державами. Россию и другие страны СНГ Соединенные Штаты должны ассимилировать в структуры европейского сотрудничества.

В 1997 г. Бжезинский считал, что между 2005 и 2010 гг. Украина должна быть готова к началу переговоров с Европейским союзом и НАТО. Важнейшим компонентом политики «сдерживания» имперских поползновений России является суверенная Украина, а также американская поддержка Азербайджана и Узбекистана. Для того чтобы Россия окончательно порвала с «имперским прошлым», ее следует децентрализовать. Бжезинский выдвинул проект «свободно конфедеративной России, состоящей из европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики».

Концепция «дуги нестабильности» в новой книге была заменена идеей Евразийских Балкан. Туда были включены 11 стран Юго-Восточной Европы, Средней и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока, внутренне нестабильных и конфликтных. Интерес Америки состоит в том, чтобы ни одна из держав не контролировала «Евразийские Балканы», а США имели бы к ним финансово-экономический и военно-политический доступ.

Китаю Бжезинский отводит роль региональной державы, отказывая ему в праве быть мировой державой. Для достижения взаимопонимания США должны быть готовы предоставить Китаю «некую часть будущей Евразии» в качестве сферы влияния, но не зоны исключительного политического доминирования. В китайскую сферу по расчетам геополитика должна войти и Дальневосточная Россия. Фактически Дальневосточная республика рассматривалась им как объект политической и экономической экспансии США и Японии, а демографической – Китая. По расчетам геополитика, КНР могло быть позволено осуществлять экспансию в бывшую советскую Среднюю Азию, что стало бы еще одной преградой для возможной российской экспансии. Большой Китай становился бы важным опорным пунктом Америки на Дальнем Востоке. Таким образом, передел мира по расчетам З. Бжезинского, во многом должен был осуществляться за счет России.

По мнению Бжезинского, Япония должна быть глобальным партнером Америки. С этой целью Соединенным Штатам следует стремиться к заключению американо-японского соглашения о свободной торговле, которое создаст общее американо-японское экономическое пространство. На востоке Евразии, считает геополитик, может быть построена система трехстороннего согласия – с одной стороны, Америка как мировая держава, с другой стороны, Китай как региональный лидер и, с третьей стороны, Япония как международный лидер.

Система американского господства в Евразии в долгосрочном плане должна включать расширенную НАТО и систему трехстороннего согласия на Дальнем Востоке. Также США должны поддерживать партнерские отношения с демократической Индией.

Работы Бжезинского 1990-х гг. стали попыткой переосмысления и адаптации концепций классической англо-американской (талассократической) геополитики применительно к реалиям современного мира. При этом

игнорируются достижения современной американской геополитической мысли.

В начале 2000-х гг. З. Бжезинский заметно переосмыслил свои взгляды. Если в 1990-е гг. он оптимистично смотрел на возможности установления американской гегемонии «нового типа», то теперь его настрой изменился. Новая позиция американского геополитика нашла свое выражение в книгах «Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство» и «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы».

Геополитик пришел к выводу, что эпоха американского глобального превосходства близится к концу вследствие нарастания неуправляемости современного мира, происходящего на фоне нарастания потенциальных угроз и изменения их характера. Западные страны, которые привыкли считать себя сильными, оказались беззащитны перед лицом новых опасностей, их сила практически бесполезна перед угрозой новых масштабных терактов. Слабым нечего терять, «сильные же, напротив, могут потерять все, и эти опасения подтачивают их мощь». Однако многие в США (в том числе политические элиты) не осознают масштаба проблем, считает Бжезинский.

Соединенным Штатам следует перейти от «одностороннего доминирования» к «консенсусному лидерству». Следовательно, США нужны стратегические союзники: ни Россия, ни Китай не могут играть эту роль, таким союзником может стать только Европа. Америка должна умерить свои имперские амбиции и стать не гегемоном, а лидером.

Под господством обычно понимается способ политического управления, основанный на повиновении. Гегемония – это, в сущности, монопольное господство, монополия на власть. Государству-лидеру действительно присущи способность и готовность мобилизовать и вести за собой других на основе их добровольного согласия, без применения силы или диктата по отношению к остальным. Лидер выявляет, выражает и защищает общие интересы, не противопоставляя собственные эгоистические интересы интересам других. Он знает, куда вести. Лидер обладает общепризнанным авторитетом и рассматривается как пример для подражания.

В книге «Второй шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» Бжезинский попытался проанализировать и оценить внешнеполитическую деятельность трех последних американских администраций (Джорджа Буша-старшего, Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего).

Дж. Буш-ст., пишет Бжезинский, добился несомненных успехов: США контролировали процесс распада СССР, одержали победу в Ираке. Однако президент не смог превратить эти несомненные триумфы в подлинные исторические достижения. Его политика в отношении новой России и на Ближнем Востоке также не увенчалась заметными достижениями. У президента Буша не оказалась проработанной стратегической программы, которая позволила бы укрепить американское лидерство.

Бжезинский подчеркивает, что Б. Клинтон, в отличие от своего предшественника, действовал на мировой арене, руководствуясь определенной концепцией. Он искренне верил в глобализацию, которую считал светлым будущим всего человечества. Однако это были лишь «благие намерения», а не четкая и решительная стратегия. Клинтон не смог выработать долговременный внешнеполитический курс, привлекательный для большинства народов планеты. Вследствие этого, лидерство Соединенных Штатов в конце президентского срока Клинтона покоилось на шатких основаниях.

Президентство же Дж. Буша-мл. оказалось временем «катастрофического руководства». Бжезинский много пишет о войне в Ираке, которую называет «геополитической катастрофой глобального масштаба». Он подчеркивает, что она нанесла громадный вред международной репутации США и увеличила угрозу терроризма. Результатом политики Дж. Буша-мл. стала дальнейшая дестабилизация гигантского региона от Суэцкого канала до Синьцзяна в Китае, от Северного Казахстана до Аравийского моря. Этот регион Бжезинский называет Глобальными Балканами.

Джордж Буш-младший, делает вывод Бжезинский, продемонстрировал полное непонимание современного мира и серьезно подорвал геополитические позиции США. Его политика привела к росту отчуждения в Европе, стимулировала сближение между Россией и Китаем, которые все более явно противопоставляют свои интересы интересам США. Усиливаются страны Южной и Восточной Азии, а в Латинской Америке нарастают антиамериканские настроения. В исламском мире резко вырос религиозный фанатизм и антизападный национализм.

США не смогли использовать свой шанс на прочное мировое лидерство. Бжезинский считает, что у Америки есть еще один шанс, но он уже будет последним. США должны стать мировым лидером. Ни одна другая страна в мире не способна исполнять ту роль, которую могут и должны играть США.

6. Неолиберальные геополитические концепции

Новое направление в изучении международных отношений окончательно оформилось в 1971 г. с выходом в свет книги «Транснациональные отношения и мировая политика» под редакцией Роберта Кеохейна и Джозефа Ная.

Дж. Най и Р. Кеохейн констатировали резкий рост уровня взаимозависимости отдельных стран в экономической, политической и социальной сферах. Государство больше не способно полностью контролировать все возникающие в этих сферах взаимоотношения, оно утрачивает свою прежнюю монопольную роль главного субъекта международных отношений. Сегодня полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и другие предприятия, наконец, отдельные индивиды. Государст-

венные границы становятся все более проницаемыми. В результате, происходит размывание государствоцентричной модели мироустройства, то есть модели, главным субъектом которой было национальное государство.

Из-за возрастающей взаимозависимости всех стран мира меняются и средства достижения внешнеполитических целей. Снижается роль силового фактора в международных отношениях. Военная сила в новых условиях будет использоваться только в самом крайнем случае. Кеохейн и Най считают, что внешняя политика должна отказаться от мер принуждения. Основой политики станет влияние на массовое сознание граждан одной страны или на все мировое сообщество.

Дж. Розенау называет современный мир «полицентричным». Характерная черта полицентричного мира – «упадок гегемонии»: современная мировая система слишком децентрализована и внутренне взаимозависима, чтобы быть управляемой каким-либо одним государством.

По мнению Дж. Найа, наступающий после холодной войны новый миропорядок своеобразен и не сводим к традиционным метафорам с механическими полярностями. Быстрое расширение транснациональных связей, миграции и экономическая взаимозависимость ведут к размыванию существовавшей несколько веков модели мира. Сила становится все более многомерной, а государства – более проницаемыми.

В настоящее время, считает Най, в мировой политике возрастает значение «мягкой силы» (soft power, другой вариант перевода – гибкая власть) как альтернативы «жесткой силы». Первая основывается на убеждении, вторая – на принуждении. «Мягкая сила» страны базируется на трех ресурсах: ее культуре, ее политических ценностях и моральном авторитете внешней политики. Например, США обладают большим потенциалом «гибкой власти» благодаря своему культурному влиянию на другие страны (как массовой, так и «высокой» культуры), демократическим ценностям, делу продвижения мира и прав человека.

7. Евразийская геополитика А.Г. Дугина

Российский геополитик, консерватор и правый националист Александр Гельевич Дугин (р. 1962 г.) стал известен в начале 1990-х гг. Дугин основал идейное течение неоевразийства, создав на его основе политическое движение. В 1998–2003 гг. он занимал должность советника председателя Государственной Думы РФ.

В целостном виде его геополитическая концепция была изложена в книге «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» (1997 г.). В 2007 г. вышла его новая книга «Геополитика постмодерна».

А.Г. Дугин считает себя наследником и продолжателем традиций евразийства 1920-х гг., также в его работах широко используются концепции Л. Н. Гумилева, представителей немецкой консервативной мысли, современных европейских «новых правых» и др. Заметное влияние на Дугина оказали

идеи славянофилов. Он опирается на географический детерминизм и традиционные принципы силовой политики. Геополитик придерживается традиционных концепций классической геополитики: дихотомии морских и континентальных держав, теории хартленда Маккиндера. Работы Дугина отличаются высокая политизированность.

Россия, по Дугину, «есть нечто третье, самостоятельное и особое, ни Восток, ни Запад», она должна «любой ценой» сохранить свою уникальность. Статус региональной державы, пишет геополитик, для русской нации равнозначен самоубийству. России следует заняться «собираанием империи» и стремиться к выходу к теплым морям.

Россия видится ему в качестве центра континентального стратегического пространства, выступающего против западного атлантизма и мондиализма. Противоречия с Западом возводятся А.Г. Дугиным в абсолют, признаются неразрешимыми. Россия призвана бороться против «торгашеской» атлантистской цивилизации и ее лидера США («заокеанских оккупантов»).

Последние однозначно признаются главным геополитическим противником. Кроме того, миссия России как хартленда состоит в собирании евразийского континентального пространства для воссоздания великой евразийской империи. Таким образом, у Дугина выбор современной России сужается практически до единственной альтернативы – либо она будет евразийской империей, ведущей непримиримую борьбу с США, либо у нее не будет никакого будущего и она превратится в колонию Запада. У Дугина Запад подразделяется на агрессивных, экспансионистски настроенных «атлантистов» и «мондиалистов» (США и Великобритания) и нейтральную, способную к сотрудничеству с Россией континентальную (романо-германскую) Европу. Россия, считает геополитик, должна создать новый евразийский континентальный блок с включением в него континентального Запада (в первую очередь Германии и Франции) и континентального Востока (Ирана, Индии и Японии). Дугин проектирует «союз народов хартленда и римленда» против США и их союзников. Основой новой геополитической конфигурации в Евразии должен стать четырехугольник Берлин – Москва – Токио – Тегеран. Таким образом, Дугин сводит геостратегию нашей страны фактически только к сколачиванию военно-политических блоков для борьбы против Запада.

8. Геополитические взгляды Э.А. Позднякова.

Эльгиз Абдулович Поздняков (р. 1929 г.) в начале 1990-х гг. выступил с концепцией особой геополитической роли России как мирового цивилизационного и силового балансира, используя аргументацию Х. Маккиндера. По мнению Позднякова, Россия, испокон веков занимающая большую часть хартленда, никогда не стремилась к мировому господству, но она «интуитивно» выполняла роль балансира «в нашем геополитически неустойчивом мире». «Выполнение ею этой роли служило во все времена неодолимым препятствием для тех держав, которые стремились к мировому господству», –

писал геополитик. Утрата Россией функции балансира может иметь катастрофические последствия для всего мира.

Согласно Позднякову, с развалом Советского Союза Россия оказалась «задвинутой» вглубь евразийского континента, что радикально ухудшило ее геополитическое положение. В связи с этим возникает угроза геополитического разбалансирования мира с многочисленными негативными следствиями – длительными конфликтами и войнами.

Одним из главных средств предотвращения катастрофического развития событий Поздняков считает дальнейшее выполнение Россией роли «держателя» как мирового цивилизационного, так и силового баланса сил. Для этого, прежде всего, необходимо сохранение и укрепление ее целостности и единства. Хартленд не сможет выполнять балансирующую роль, если будет раздроблен на мелкие части. Если дроблению России не положить конец, тенденция к сепаратизму обретет характер «домино». В результате на ее месте появятся десятки мелких и псевдогосударственных образований, соперничающих и конфликтующих друг с другом по самому широкому кругу вопросов. Развал России будет иметь катастрофические последствия с большой вероятностью масштабной войны. В случае распада России на «удельные княжества», полагает Поздняков, хартленд окажется в состоянии дисбаланса и хаоса, которые, подобно волнам, начнут распространяться от него по всем направлениям.

Таким образом, в 1992 г. Поздняков писал о крайне негативных геополитических последствиях распада Советского Союза, что привело к раздроблению хартленда и в значительной степени утрате его прежней роли. Геополитик призывал не допустить дальнейшую фрагментацию пространства российского государства.

9. Геополитическая концепция В.Л. Цымбурского

Вадим Леонидович Цымбурский (1957–2009) – филолог, философ и геополитик, которого называли «русским Хантингтоном». Первой его геополитической работой стала известная статья «Остров Россия», опубликованная в 1993 г. Он выступил с позиции сторонника цивилизационной парадигмы в геополитике.

Пытаясь найти ответ на вопрос об идентичности Российского государства, Цымбурский отвергает теорию хартленда Маккиндера и концепции евразийцев.

Геополитик постулировал существование устойчивых цивилизаций, каждая из которых располагается на своей этноцивилизационной платформе, то есть зоне ее устойчивого контроля, вторжение на которую для других цивилизаций затруднено.

Русская этноцивилизационная платформа («целостная геополитическая ниша русского этноса»), которая окончательно сформировалась в XVII в., располагается к востоку от романо-германской этноцивилизационной плат-

формы. Между русской и романо-германской этноцивилизационными платформами располагаются «территории-проливы» (Прибалтика, Польша, Чехия и Венгрия). Последние уже в XVI в. явно были отделены от стран Центральной Европы так называемым «вторым изданием крепостного права».

«Остров-Россия» Цымбурского – отдельно расположенный массив суши посреди сухопутного океана, отделенный от ушедшей вперед Европы довольно широким «проливом» стран Балтии и Восточной Европы. В XVI–XVII вв. Россия успешно развивалась как «остров», признавая органичность своего пребывания вне коренной Европы. Однако со времен Петра геостратегия России принципиально изменилась. Завоевание «территории-пролива» шведско-немецкой Прибалтики и перенос столицы в Санкт-Петербург определило западный вектор российской геополитики. Петербург, обретя столичный ранг, сделал балтийские форпосты плацдармом российского «похищения Европы». Теперь Россия постоянно предпринимала попытки экспансии в сторону романо-германской платформы, которые продолжались в течение 280 лет – вплоть до конца 1980-х гг.

Россия, по мнению Цымбурского, не является европейской державой. Она могла стать европейской державой лишь поглотив территории «проливы», превратившись в империю («Россию-Евразию»). Государственные границы сдвигались к дальним пределам Лимитрофа, где начинались европейская и средневосточная этноцивилизационные платформы.

Истоки кризиса российской имперской системы, по Цымбурскому, состоят в том, что на протяжении XVIII – XX вв. Россия постоянно занималась «похищением Европы», попытками геополитической игры на европейской этноцивилизационной платформе, что было русским явно не под силу. С распадом СССР завершился 280-летний «великоимперский цикл российской истории».

Несколько позднее Цымбурский пришел к выводу, что «территории-проливы» Восточной Европы являются частью гигантского «Великого Лимитрофа», который отделяет русскую этноцивилизационную платформу от романо-германской, средневосточной и китайской платформ. Лимитроф – промежуточное пространство между империями или цивилизациями (межцивилизационный пояс). Великий Лимитроф, по Цымбурскому, – это единый пояс, отделяющий Россию от всех примыкающих к незамерзающим океанам центров силы и цивилизационных центров (Евроатлантики, арабо-иранского Ближнего и Среднего Востока, Индии). Это своего рода гигантская «подкова», отделяющая Россию от этих территорий. Великий Лимитроф тянется от Прибалтики через Восточную Европу с Прикарпатьем и Приднестровьем и, охватывая Кавказ, постсоветскую Центральную Азию и Синьцзян, Тибет, Монголию, российские автономии Туву и Бурятию, заканчивается в Корее. Это «лимитроф-гигант, который, рассекая Евро-Азию, вычленяет Россию и придает ей черты своеобразного острова внутри континента». Геополитик подчеркивает, что данный «пояс территорий-проливов дистанцирует Россию

от силовых центров, сложившихся на платформах других цивилизаций». При этом геополитик выделяет и разрыв Великого Лимитрофа – в китаезированной Маньчжурии, которая является плацдармом движения китайской этноцивилизационной платформы в Приморье и Южную Сибирь. Через этот разрыв будет происходить «наползание» китайской этноцивилизационной платформы на российскую.

Остров-Россия для В.Л. Цымбурского – это и концепция будущего России, учитывающая факт распада Советского Союза. Цымбурский выступил с позиции неизоляционизма. Потеря Советским Союзом своей сферы влияния и его распад он считает геополитически оправданными. Геополитик трактует эти события не как разрушение «истинной России», а всего лишь как уход России из Великого Лимитрофа и возвращение к «островному» положению. Островная геополитическая доктрина означает для России полный пересмотр великоимперской парадигмы. Россия должна отказаться от иллюзии собственной принадлежности к западной цивилизации и попыток восстановить свою империю. «Уход» России из Европы и утрата доминирования в «территориях-проливах» должны, по мнению геополитика, стать толчком для реализации проекта «острова России», замыкания России на своей геополитической платформе и ее активного освоения. Нашей стране следует направить усилия на внутреннее развитие, не следует вмешиваться в дела других цивилизаций. Основные усилия следует направить на развитие регионов, освоение необжитых пространств, прежде всего Сибири и Дальнего Востока. Российская геополитика, по мнению Цымбурского, должна на место глобальных приоритетов выдвинуть приоритеты внутренние, региональные, приоритеты укрепления российского федерализма. Цымбурский предложил переместить столицу нашей страны в город Новосибирск, учитывая его примерно одинаковую удаленность от западного и восточного флангов «острова»-России. Внешняя политика России должна быть направлена на страны Великого Лимитрофа с целью сохранения Лимитрофа в качестве пояса относительной безопасности России.

Вопросы для самопроверки

1. Какие различия между людьми в настоящее время, по мнению Хантингтона, становятся главными?
2. Приведите примеры линий разломов между цивилизациями.
3. Объясните тезис С. Хантингтона «Мир в основе своей становится более современным и менее западным».
4. Что понимает под «концом истории» американский политолог Ф. Фукуяма?
5. Каким видит Р. Кейган миропорядок XXI века?
6. Опишите проект геополитического переустройства Евразии, который выдвинул З. Бжезинский в 1997 г.

7. Какие страны Бжезинский относит к Глобальным Балканам?
8. Почему в России в 1990-е гг. стала популярна теория хартленда? Насколько корректно ее использование в современной международной ситуации?
9. Какую роль в современном мире отводит России А. Г. Дугин?
10. Какой, по мнению Дугина, должна быть геостратегия России?
11. Какие геополитические последствия, по мнению Э. А. Позднякова, имеет утрата Россией роли балансира?
12. Что такое «Великий Лимитроф»? Какие страны Цымбурский относит к «Великому Лимитрофу»?
13. Почему геополитическую концепцию Цымбурского ученые считают неоизоляционистской?

Вопросы для обсуждения

1. Почему концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона стала популярной?
2. Актуальна ли в настоящее время концепция «столкновения цивилизаций»? Почему?
3. Что заставило З. Бжезинского переосмыслить свою геополитическую концепцию в 2000-е гг.? Каким образом США смогут сохранить прочное мировое лидерство в ближайшие десятилетия?
4. Сравните геополитические взгляды сторонников мондиализма (Ф. Фукуяма) и неоконсерваторов. В чем заключаются принципиальные различия их концепций?
5. Почему не подтвердился прогноз Ф. Фукуямы о наступлении «конца истории»?
6. Подумайте, насколько соответствует современным реалиям геополитическая концепция А. Г. Дугина?
7. Насколько оригинальны концепции современных российских геополитиков?
8. Попробуйте сравнить концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и геополитическую концепцию В. Л. Цымбурского.

Лекция 5. Геополитическая динамика мира в XX в.

1. Геополитическая структура мира

Геополитическая структура мира представляет собой пространственное соотношение силовых (геополитических) полей разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных и т.д.). В качестве генераторов этих полей выступают государства, межгосударственные группировки и ряд негосударственных субъектов, а в качестве механизма их взаимодействия – так или иначе понимаемые геополитические интересы.

Геополитическая структура мира представлена через пространственные модели: дихотомии «континентальные нации» – «морские нации», «Центр» и «Периферия», геополитические модели мира Х. Маккиндера, Н. Спайкмена, С. Коэна и др.

Дихотомия «континентальные нации» – «морские нации».

Исторически ключевое значение для геополитики имеет дихотомия «Море-Суша», наиболее подробно разработанная немецким геополитиком Карлом Шмиттом и обозначающая два принципиально различных типа освоения пространства: один связан с домом, другой – с кораблем.

Отсюда разделение стран на геополитической карте мира на морские и континентальные, **талассократию** (власть посредством моря) и **теллуократию** (власть посредством земли). Примеры – Афины и Спарта, Карфаген и Рим.

Талассократия, или торговая цивилизация, более динамична и восприимчива к техническому прогрессу. Ей присущ дух индивидуализма, наживы, предпринимательства. Эти и другие качества индивида или группы определяют море, требующее такого типа личности, который может выжить в экстремальных условиях. Поэтому в таком обществе ценятся предприимчивость, способность принимать нестандартные решения. В цивилизации моря нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся изменчивыми. Талассократический тип цивилизации развивается динамичнее, чем теллуократический, легко меняет нравственные и культурные ценности, сохраняя одну важную установку – стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, наживе. Классики геополитики считали естественной для морских держав демократическую систему управления.

Сухопутное могущество, или теллуократия, характеризуется четко обозначенными границами, устойчивыми способами жизнедеятельности населения. Для него характерны оседлость, ограниченность в выборе приложения труда, консерватизм, строгие нравственные или юридические нормы и законы, которым подчиняются все индивиды и коллективы людей. Суша – то, что всегда прочно, устойчиво, твердо. Такая твердость формирует незыблемость морали и закона, силу традиции. Нравы закрепляются в общественном сознании, передаются по наследству, формируется кодекс этических норм, принципов. Это проявляется, в частности, и в том, что сухопутным на-

родам, особенно оседлым, близко чувство коллективизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы. В управлении группами населения главным принципом является иерархичность. Континентальные государства тяготеют к авторитарным методам управления обществом.

Классики геополитики считали, что исторически столетиями континентальные цивилизации довлели над морскими. Однако в результате развития техники (повышение уровня кораблестроения, совершенствование вооружений, разделение общественного труда и, следовательно, товарообмена и торговли) объективно укрепились позиции морских цивилизаций. Вначале усиливаются Испания и Португалия, затем – Голландия и Англия. XIX в. – эпоха господства «владычицы морей» Англии. В конце XIX – начале XX вв. научно-технический прогресс, особенно массовое строительство железных дорог, вновь усилил позиции континентальных держав.

Следует подчеркнуть, что дихотомия «Море-Суша», акцентирующая внимание на извечном конфликте морских и сухопутных государств, пригодна для анализа далеко не всех конфликтов. Уже греко-персидские войны не соответствовали этой схеме. Ни Первая, ни Вторая мировые войны не поддаются объяснению через противостояние талассократии и теллутократии.

В период становления классической геополитики сформировались два направления её развития: первое из них ориентировалось на изучение отношений между морем и сушей, талассократией и теллутократией, что стало характерным для англо-саксонской геополитической школы (талассократическая геополитика). Второе направление отдавало предпочтение исследованию преимуществ континентальных пространств, чем занимались в первую очередь представители французской, немецкой, русской школ геополитики (теллутократическая геополитика).

Дихотомия «Центр» и «Периферия»

В геополитике Центр рассматривается как полюс военно-политической, экономической и другой мощи, противоположный геополитической и геоэкономической Периферии.

Периферия – это пространство, не имеющее самостоятельного геополитического значения ни в глобальном, ни в региональном масштабе.

Дихотомия «Центр – Периферия» может трактоваться по-разному. Классическая геополитика рассматривала ее в контексте конфликта между континентальным центром и приморской периферией, современная геополитика – скорее в терминах экономической или политической взаимозависимости. Тем не менее, геополитика, как бы она ни рассматривала систему международных отношений, уделяет особое внимание противоречиям между центральными и периферийными компонентами в этой системе.

В настоящее время в качестве Центра часто рассматривается группа индустриально развитых западных стран («золотой миллиард»), остальные страны относятся либо к полупериферии, либо к Периферии.

2. Биполярная система мира периода «холодной войны»

После второй мировой войны мир разделился на две противоборствующие общественно-политические системы – капитализм и социализм. Установилась двухполюсная структура международных отношений в виде противостояния двух военно-политических блоков – НАТО и Варшавского пакта во главе с США и СССР соответственно. Практическим воплощением конфликта стала холодная война между СССР и США, Востоком и Западом. Она привела к окончательному расколу Европы и мира в целом на две противоположные системы. Наиболее наглядными результатами холодной войны стали сначала раскол Германии на два государства – Федеративную Республику Германии и Германскую Демократическую Республику – и Корейская война 1950 – 1953 гг., которая также привела к образованию на Корейском полуострове двух враждебных друг другу государств – Корейской Народно-Демократической Республики на севере и Республики Корея на юге. В результате начавшейся в 50-х годах национально-освободительной войны против французских колонизаторов Вьетнам тоже оказался разделенным на два государства.

Холодная война характеризовалась усилением недоверия между великими державами, форсированием гонки вооружений, созданием военных блоков, использованием силы или угрозы ее применения в международных отношениях, отказом от регулирования спорных вопросов путем переговоров и т.д. Конфронтационность в отношениях друг с другом обеспечивала как СССР, так и США основу глобальной внешнеполитической стратегии. Такое положение держало в постоянном напряжении весь мир, который был разделен на сферы интересов двух сверхдержав. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон друг против друга. В их глазах каждая из таких войн (или конфликтов) имела значимость не только и не столько с точки зрения решения той или иной конкретной проблемы, сколько с точки зрения выигрыша или проигрыша Востока или Запада. Любой выигрыш одной из сторон в каком-либо регионе планеты или отдельно взятой стране рассматривался как проигрыш другой стороны и наоборот.

Главными движущими факторами поведения обеих сверхдержав и блоков были взаимный страх и озабоченность своей безопасностью. Соответственно в центре внимания и той и другой стороны стояло стремление к наращиванию военной мощи. В итоге сформировалась двухполюсная иерархическая структура мирового сообщества, в которой две супердержавы занимали вершину пирамиды, за ними шли великие державы, далее страны, менее значимые по весу и влиянию в решении международных проблем.

Однако мировые реальности в целом не укладывались в прокрустово ложе двухполюсного миропорядка. Немаловажное значение имели развернувшиеся после второй мировой войны процессы распада колониальных империй и образование множества новых независимых государств, которые

придерживались разных идеологических и политических ориентаций. Более того, мир оказался разделенным на три разных мира – капиталистический, социалистический и развивающийся, которые отличались друг от друга по степени экономического развития, образу жизни, мировоззрения.

Заметные трещины в фундаменте двухполюсного миропорядка появились уже в конце 50-х годов после ухудшения, а затем и разрыва советско-китайских отношений. С данной точки зрения большое значение имело вступление на арену мировой политики движения неприсоединения, внесшего существенный вклад в укрепление мира и добрососедских отношений между государствами.

Немаловажные поправки в двухполюсную схему были внесены постепенным превращением Японии и ФРГ в могущественные экономические державы, Китая в ядерную державу, а также восхождением ОПЕК – организации нефтедобывающих стран, которые поставили своей целью освободиться от экономического диктата индустриально развитых стран.

Двухполюсность подрывалась и возрождением национализма. В Европе генерал Ш. де Голль, успешно используя идею величия Франции, сумел значительно укрепить самостоятельность своей страны в рамках западного союза. В середине 60-х годов Франция вышла из военной организации НАТО, а американские войска покинули ее территорию.

На Востоке же Китай порвал с Советским Союзом и стал проводить курс, полностью независимый от Москвы. С этой точки зрения немаловажное значение имело также образование Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое постепенно превращалось в самостоятельный центр принятия экономических и политических решений.

Брешь в идеологию двухполюсного миропорядка внесло осознание противостояния между Югом и Севером. Не случайно выступление министра обороны США Р. Макнамары 18 мая 1966 г., в котором говорилось о глобальном расколе мира между развитыми и развивающимися странами, между Севером и Югом, привело тогдашнего президента США Л. Джонсона в бешенство. Характерно, что Макнамара обосновывал необходимость *«создания структуры мира, которая включила бы развивающиеся страны, союзников Америки и коммунистические государства»*.

Шестидневная война ослабила роль ООН на Ближнем Востоке. Последовавшие друг за другом кризисы в Доминиканской Республике, на Ближнем Востоке, в Чехословакии, войны во Вьетнаме и Йемене показали, что сдержанность государств в отношениях друг с другом – весьма относительная вещь. Одновременно стала давать сбои мировая валютная система, что в конечном итоге привело к отмене Бреттон-Вудской системы и золотого стандарта. На внешнюю политику супердержав все большее влияние оказывали такие факторы, как постепенное приглушение биполярного конфликта, растущая гетерогенность мира, охваченного неподдающимися контролю кон-

фликтами, приобретение как бы второго дыхания принципом национального суверенитета и т.д.

Важным фактором, способствовавшим «разжижению» двухполюсности, можно назвать, в частности, постоянное взаимное «истощение» СССР и США в непрекращающихся фронтальных военном, экономическом, политическом и идеологическом противостояниях. Непрерывное наращивание военных потенциалов сверхдержав вело к замедлению темпов их экономического роста, стагнации научно-технического прогресса в гражданских областях и т.д.

Одновременно имела место тенденция к возрастанию экономического и военного потенциалов, а также международного политического веса союзников СССР и США и ряда «нейтральных» стран. К тому же в реальностях достигнутого к 70-м годам ядерно-стратегического паритета две сверхдержавы вынуждены были отказаться от тотального противоборства и строить отношения, в которых элементы соперничества органически сочетаются с элементами сотрудничества, особенно в сфере обеспечения военной безопасности.

На внешнюю политику сверхдержав все большее влияние оказывали растущее многообразие мира, охваченного неподдающимися контролю конфликтами, приобретение второго дыхания принципом национального суверенитета и другие процессы. Учитывая эти реальности, Г. Киссинджер в книге «Трудное партнерство» снова вернулся к теории баланса сил. Его воззрения имели тем большую значимость, что при президенте Р.Никсоне он стал государственным секретарем и сыграл заметную роль в разработке и реализации внешнеполитического курса Вашингтона. Киссинджер, в частности, утверждал, что все более доминирующие позиции в мире занимают пять великих держав – США, Советский Союз, Западная Европа, Китай и Япония. Исходя из этого он призывал построить мировой баланс государств по модели европейского баланса, существовавшего до первой мировой войны.

Новая дипломатия, сформулированная Киссинджером, предусматривала возвращение ведущих участников мировой политики к отношениям, учитывающим взаимопереплетающиеся интересы. Несовместимые позиции по одним вопросам не должны были мешать достижению временных соглашений по другим вопросам. Внутриполитические неурядицы не должны приводить к международной нестабильности и, что еще важнее, снова должна установиться «международная иерархия: дипломатия снова должна стать достоянием великих держав». Предполагалось, что мелкие страны найдут стабильность в самом этом равновесии сил. Изменения в международной системе должны быть результатом дипломатической игры, а не войн или внутренних восстаний. Естественно, при этом отнюдь не забывали и об интересах США, которым Киссинджер отводил роль главного арбитра в международных спорах. Но при всем том оставалось фактом, что основополагающие во-

просы мировой политики продолжали решаться в рамках двухполюсного миропорядка.

Распад СССР, советского блока и социалистического содружества имели своим результатом конец разделения современного международного сообщества на три самостоятельных и нередко противостоящих друг другу мира. Развалилась сама идеолого-политическая ось двухполюсного миропорядка. В сущности холодная война пришла к своему естественному концу в реальностях, которые сделали устаревшими основополагающие условия, ее породившие, когда изменилась геополитическая конфигурация сил, осознавших невозможность действовать по правилам и императивам холодной войны. Как отмечал Р. Гартхоф, *«холодная война была выиграна не предпринятым Р. Рейганом наращиванием вооружений, не выдвинутой им доктрины, как полагали некоторые»*. Победа *«пришла к Западу, когда новое поколение советских руководителей поняло, насколько плоха их внутренняя система и что их внешняя политика провалилась»*. Советский Союз, по сути дела, совершил самоубийство, вызванное внутренней несостоятельностью империи. По удачному выражению одного корреспондента газеты «Монд», падение берлинской стены – это «заочная победа капитализма над коммунизмом». Именно заочная, так как неизвестно, сколько еще потребовалось бы сил и ресурсов, если бы руководители самого Советского Союза, встав на путь реформирования, не подписали ей смертный приговор. Все великие империи и державы распадались не только и не столько в силу давления извне, сколько в силу нарастания их внутренней несостоятельности.

3. Современный миропорядок: однополярность или многополярность?

Очевидно, что с распадом СССР – подрывом одного из полюсов двухполюсного мира – со всей настоятельностью выдвигается вопрос о том, какую именно форму примет конфигурация геополитических сил в мировом сообществе. Поскольку речь идет об уходе с авансцены одной из двух сверхдержав, то напрашивается вывод о единополярном мировом порядке, где в гордом одиночестве господствует одна единственная сверхдержава – США. Однако нельзя забывать, что с окончанием холодной войны и биполярного миропорядка существенно меняется геополитический статус не только России, но и США и других государств, геополитический и геоэкономический контекст отношений этой страны с ведущими странами и регионами мира. Каждому государству, в том числе и России, и США, приходится искать место и роль, соответствующие их новому положению в мировом геополитическом пространстве, сформулировать новую повестку дня и новые цели, заново определить свои интересы в области национальной безопасности. Однако с сожалением приходится констатировать, что в создавшихся условиях как на Западе, так и на Востоке еще не выработали ориентиров, адекватных ситуации.

Обращает на себя внимание неоднозначность позиций политических руководителей, интеллектуальной элиты и внешнеполитического истеблишмента Америки по данному вопросу. С одной стороны, очевидно осознание этими кругами того, что в формирующемся многополюсном мировом порядке США уже не способны – да им это и не нужно – играть роль единственной сверхдержавы, призванной единолично определять положение в мире. Об этом свидетельствует, в частности, появление в 80-х годах целой серии работ, в которых в разных формах и аспектах обосновывался тезис об упадке влияния США на мировой арене как экономической, политической и военной сверхдержавы. Немалый интерес представляют работы Р. Мида, Д. Каллео, П. Кеннеди, в которых в той или иной форме обосновывается тезис об относительном упадке веса и влияния США в современном мире в пользу других стран и регионов, прежде всего Западной Европы, Японии и АТР в целом. В начале осознание этих реальностей ощущалось и во властных структурах, в том числе и в высших эшелонах власти в Вашингтоне. *«Мы, американцы, – говорил, например, Л. Иглбергер вскоре после вступления на пост государственного секретаря США, – должны понять, что не можем продолжать стоять у руля мировых событий, как это делали до недавнего времени, – либо мобилизуя все ресурсы на решение какой-то проблемы, либо просто в силу уверенности, что мы являемся доминирующей нацией, по крайней мере в рамках Запада, и можем заказывать любую музыку».*

Очевидно, что Соединенные Штаты при желании могут использовать свой первоклассный экономический, военный и политический потенциал для поддержания порядка и стабильности в мире, характеризующемся многообразием отличающихся друг от друга стран и народов. Однако для США проблема состоит в том, что они заняли статус сверхдержавы, не пройдя должных сроков школы великой военно-политической державы, способной сосуществовать и на равных взаимодействовать с другими великими державами. Поэтому Вашингтону весьма трудно учиться на уроках истории и делать адекватные создавшейся ситуации выводы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что раздаются голоса, требующие принять срочные меры, чтобы закрепить за США лидирующие позиции и статус единственной сверхдержавы в единополярном мире. Так, бывший президент США Дж. Буш по мере распада СССР не переставал повторять, что *«и сегодня в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо».* И именно такие настроения стали преобладать еще во время второго президентства Б. Клинтона, не говоря уже об администрации Дж. Буша-младшего, особенно после событий 11 сентября 2001 г. Многие американские политики и теоретики склонны видеть в создавшейся ситуации шанс на установление слегка подправленного варианта старого Pax Americana. Так, известный обозреватель Ч. Краутхаммер писал, например, в журнале «Форин афферс» об установлении единополярного мира и необходимости осознания Соединенными Штатами своей новой роли – навязывания миру собственного видения.

О популярности идеи миропорядка, руководимого Вашингтоном, свидетельствуют высказывания как лидеров нынешней американской администрации, так и конгресса США. Характерно высказывание бывшего государственного секретаря США У. Кристофера, дальновидная приверженность принципу американского лидерства и вовлеченности в мировые дела должна служить руководством внешней политики США. *«Если мы не будем руководить, то никто не будет»*, - утверждал он. Еще более определенно эту мысль выразил бывший лидер республиканского большинства в сенате Р. Доул, который, в частности, сказал, что никогда раньше *«Америка не была в таком одиночестве на вершине глобального лидерства»*.

С рассматриваемой точки зрения интерес представляют дискуссии относительно судеб и перспектив «американского века». Так, рассматривая Японию как наиболее вероятную соперницу США в борьбе за статус державы № 1, К. Престовиц писал: *«Американскому веку пришел конец. Самым крупным событием конца столетия является восхождение Японии в качестве великой супердержавы»*. Однако другой американский политолог С. Хантингтон привел массу доводов, которые опровергают возможность подобной альтернативы. По его мнению, анализ реального положения показывает обоснованность позиции не американца К. Престовица, а японца С. Сато, который писал: *«Двадцатый век был американским веком. Двадцать первый век тоже будет американским веком»*.

Разумеется, для такого соблазна у американцев есть, на первый взгляд, веские и достаточные основания материального, идеологического, психологического и геополитического характера. Былой главный противник потерпел крах и пребывает на пепелище истории, а сама Америка находится на пике могущества.

Само выражение *Rex Americana*, пущенное в обиход газетным магнатом Г. Льюсом в разгар второй мировой войны, было скорее журналистской метафорой, нежели зеркальным отражением реального положения в послевоенном мире. Верно – Америка вышла из второй мировой войны самой могущественной экономической и военно-политической державой. Важнейшие составляющие и параметры этого могущества общеизвестны, поэтому здесь не будем их касаться. Но необходимо отметить, что если вообще говорить о *Rex Americana* как о сколько-нибудь реальном феномене, то его можно применять, причем с определенными оговорками, в отношении сравнительно короткого периода, охватывавшего примерно полтора-два десятилетия после второй мировой войны. Об американском веке в строгом смысле как о реальности можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Америка действительно единолично вершила судьбы всех стран и народов земного шара.

На глобальном уровне США, как выше говорилось, приходилось считаться с существованием другой сверхдержавы, которая не допускала в зону своего влияния какого бы то ни было постороннего вмешательства. В этом плане *Rex Americana* по меньшей мере разделял пространство и власть с *Rex*

Sovietica. Поэтому миропорядок и назывался биполярным, или двухполюсным.

Эти и множество других фактов свидетельствуют о том, что в последние десятилетия возможности США единолично контролировать события в мире все больше уменьшаются. Этот момент приобрел особую актуальность с окончанием холодной войны. Верно, Америка и поныне остается мощнейшей экономической и военно-политической державой мира, таковой она останется и в обозримом будущем. Касаясь вопроса о ее лидирующей роли, необходимо учесть следующее обстоятельство. Американская идея формировалась и реализовывалась в специфических условиях евроамериканоцентристского мира. Америка с самого начала была одновременно и результатом, и инструментом, и мощным стимулятором расширения и утверждения западной рационалистической цивилизации. Более того, как бы встав на ее острие, она вобрала в себя и довела до логического завершения важнейшие системообразующие компоненты, ценности, нормы и мировоззренческие установки этой цивилизации.

Не случайно, что для многих поколений людей во всех уголках земного шара Америка служила в качестве притягательного маяка, указывающего путь к освобождению от материальных тягот и политической несвободы. С самого начала она была задумана как «град на холме», призванный служить примером для подражания всем другим народам. Быстрые успехи в освоении громадного североамериканского континента, стремительное развитие передовой индустрии и сельского хозяйства, невиданное в истории повышение материального благосостояния большинства населения, быстрое достижение статуса мировой державы усиливали убеждение в особой судьбе Америки, отличной от судеб других стран и народов.

Сформировалась идея об особой миссии, «предназначении судьбы» (manifest destiny) Америки, главное содержание которой состояло в обещании свободы, демократии, материального достатка и т.д. не только самим американцам, но и представителям других народов в самых отдаленных уголках земного шара, если только они согласны принять американские ценности. Сама мысль о том, что Америка рано или поздно может разделить судьбу прежних великих держав и стать равной среди других наций, для нее была неприемлема.

В течение длительного времени Америка более или менее успешно выполняла эту миссию. Однако, как и всякая идея в форме то ли идеала, то ли миссии, американская идея также имеет свои периоды восхождения и апогея (или звездного часа), после прохождения которых она не может не клониться к закату. Таким звездным часом для нее стал период холодной войны.

В биполярном мире США приобрели значимость своего рода фирменного знака качества западного мира. Более того, в условиях непрекращавшейся военно-политической конфронтации, не раз достигавшей грани пере-

хода в горячую войну, знаменитая статуя свободы в Нью-Йоркской гавани служила как бы символом свободного мира. Чем плотнее сгущались тучи холодной войны на небосклоне двухполюсного мира, тем ярче становилось сияние этого символа.

Следует отметить, что в реальностях широкомасштабных идеологического и системного конфликтов, ставших одними из осевых компонентов биполярности, американская идея и американская миссия приобрели новые параметры: почти все важнейшие их составляющие были переосмыслены и переориентированы через призму антисоветизма и антикоммунизма.

Как писал известный обозреватель Н. Орнстайн, *«Победа, одержанная в холодной войне, означала, что движущее чувство цели, которое пронизывало американское общество и политику начиная с конца 40-х годов, внезапно исчезло, оставляя на своем месте вакуум и неопределенность»*. И действительно, в течение почти полувека антикоммунизм служил в качестве осевой установки не только во внешнеполитической стратегии Вашингтона, но и в сфере внутривнутриполитической борьбы. Антикоммунизм представлял собой нечто большее, чем просто ответную реакцию на угрозу извне. В глазах американцев он превратился в такую же многоплановую и системообразующую ценность, как, например, идея американской исключительности. Как ценность и установка антикоммунизм имел негативный аспект – в смысле противостояния общему врагу, и позитивный – в смысле утверждения собственно американских ценностей свободы и демократии, противопоставляемых ценностям коммунизма. Он служил стимулирующим, мобилизующим фактором консолидации. Исчезновение же антикоммунизма лишило американцев одного из важнейших стимулов, формировавших чувство общей цели как в негативном, так и позитивных аспектах. Если Америка перестанет быть защитницей свободы в борьбе с тоталитаризмом, то что будет с идеей американской миссии и особой ролью в мировой истории? Очевидно, что это затруднило для Америки достижение согласия среди ее союзников относительно общих целей, выявление стимулов к самодисциплине и т.д. Фактом остается то, что при отсутствии неудачной советской модели недостатки американской модели и самой американской идеи обнаруживаются с большей очевидностью.

Наметившиеся в идейно-политической и идеологической сферах неопределенность и дезориентированность часть американцев попытается компенсировать поисками нового достойного их «главного противника», способного заменить в этом качестве распавшийся Советский Союз. Какая именно страна или группа стран может или способна выдвинуться на такую роль? Для многих – это уже Япония. Не случайной, по-видимому, была антияпонская риторика ряда политических деятелей во время президентской предвыборной кампании 1992 г. – риторика, которая находила живой отклик среди значительной части населения США. В связи с этим интерес представляют материалы слушаний в сенате США в феврале 1997 г. на тему «На-

стоящие и будущие угрозы национальной безопасности Соединенных Штатов». На слушаниях выступили тогдашний директор ЦРУ Дж. Тенет, директор военной разведки США П. Хьюз и руководитель бюро разведки и исследований госдепартамента Т. Гати. Красной нитью в выступлениях участников прослеживалась мысль о многочисленных угрозах безопасности США, исходящих из различных регионов земного шара. Это угрозы, связанные: с продолжающейся трансформацией России и Китая; политикой Северной Кореи, Ирана и Ирака, якобы подрывающих стабильность международного сообщества; транснациональными проблемами, такими как терроризм, распространение оружия массового уничтожения; «горячими точками» на Ближнем Востоке, в Южной Азии, на Эгейском море и в других регионах; «гуманитарными катастрофами» типа гражданских войн, межэтнических конфликтов, эпидемий, голода и т.д.

Однако по мнению многих, конец биполярного мира и исчезновение одного из сверхдержавных полюсов отнюдь не означает пришествия единопольного мира, управляемого одной единственной сверхдержавой в лице Соединенных Штатов. Некоторые исследователи отмечают фактически исчезновение самого феномена сверхдержавности с мировой экономической и геополитической авансцены в традиционном его понимании. Говорят, что советская империя увлекла с собой в архив истории не только коммунистическую идею, но вместе с ней, возможно, и еще одну идею – идею *Rex Americana*. На наш взгляд такие суждения не совсем верные.

В реальностях плюралистической всепланетарной цивилизации альтернативой двухполюсности и монополюсности не может стать и треугольная конфигурация геополитических сил, опирающаяся, как полагают многие аналитики, на три центра силы (США, ЕС и Япония). Экономические или иные противоречия и конфликты между этими центрами индустриального мира нельзя назвать новым явлением. Но с окончанием холодной войны они приобретают новое измерение и качество. Это обусловлено прежде всего формированием нового миропорядка на началах реального полицентризма, который качественно отличается от того «концерта» держав, который был характерен для XIX – начала XX в. Сказанное не следует воспринимать как стремление преуменьшить действительный вес и влияние США в мировых делах в обозримой перспективе. От стратегии Вашингтона в значительной степени будут зависеть перспективы обеспечения мира и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне. Но все же США суждено стать не единственной, а одной из нескольких несущих опор нового миропорядка.

В новых реальностях Америка, равно как и другие акторы на мировой арене, претендующие на великодержавность, в глобально-стратегическом плане столкнется не столько с военно-политическими, сколько с экономическими, социальными, научно-техническими вызовами. Симптоматично, что именно в этих сферах она нередко проигрывает гонки в состязании с наибо-

лее динамичными акторами мирового сообщества. Здесь вряд ли надо приводить общеизвестные факты восхождения новых экономических гигантов, которые не только наступают на пятки американской экономике, но в ряде областей опережают ее. В области экономики и научно-технического прогресса вперед стремительно выходят ЕЭС, Германия, Япония, Китай.

Американская модель рыночной экономики оказывается для стран с органической социокультурной традицией менее привлекательной, чем западноевропейские модели (шведская, германская, французская и т.д.), для которых более сильны коммунитаристские, солидаристские, патерналистские элементы, большая роль государства в определении социальной и экономической стратегий. В сущности новая модель развития осуществляется в странах Восточной Азии, где государственное вмешательство настолько велико, что некоторые исследователи говорят об «управляемом» рынке.

Американской идее сегодня бросают вызов переживающая второе рождение европейская идея, японская модель, модель новых индустриальных стран, а также другие конкурирующие модели, оказывающие немалое влияние на характер взаимоотношений между различными региональными центрами экономической, социокультурной и политической мощи.

Европа играет важную роль в современном мире. Несмотря на очевидные различия между регионами, странами, народами Европы, их объединяет нечто общее – это прежде всего общность исторических судеб, системы ценностей, культурного наследия и т.д. Парадокс состоит в том, что деятельность ЕС, с одной стороны, уменьшает масштабы суверенитета входящих в него национальных государств, а с другой стороны, делает этот суверенитет более прочным, поскольку формально-юридические ограничения, налагаемые им, компенсируются политическими аспектами, в частности установлением уз взаимной ответственности.

В период холодной войны, особенно в первые десятилетия после второй мировой войны, Западная Европа ценила США в качестве политического и военного противовеса Советскому Союзу, при этом отнюдь не желая превратиться в инструмент глобальной политики Вашингтона. Она выступала против глобализации деятельности НАТО, смешивания его интересов как регионального союза с интересами США как мировой сверхдержавы. В последние два-три десятилетия Европа по мере наращивания экономического и научно-технологического потенциала, а также расширения и углубления интеграционных процессов в ЕЭС приобретала все больший вес и независимость. Это особенно проявлялось в том, что на протяжении 70 – 80-х годов в отношениях с США Европа все увереннее переходила от отношений, характерных, как говорят, для взаимосвязей между «старшим» и «младшим братьями», к отношениям равновеликих партнеров. Европеизация европейской политики время от времени проявлялась в некотором противостоянии стран Европы жесткому курсу американцев в отношении Советского Союза, в расширении собственной линии диалога с ним. Ведущие деятели европей-

ской политики постепенно сознавали, что, восстановив свою экономическую и военно-политическую мощь в 60 – 70-х годах, Европа в современном мире будет играть роль одного из нескольких центров мировой политики. Причем в многоцентричном мире существующих ныне (США, Япония, Китай) и могущих возникнуть в недалеком будущем гигантов Европа может отстаивать свои интересы, будучи единой в важнейших сферах: экономической, технологической, безопасности и т.д.

Исходя из понимания этой реальности европейские страны разработали и планомерно осуществили стратегию восстановления европейских приоритетов и статуса Европы, соответствующего ее весу и влиянию в мировом сообществе. Тенденция к возрождению Европы стала особенно очевидна с развертыванием процессов распада Советского Союза и окончания холодной войны. Уже в 1990 г. Европейское сообщество с населением 344,6 млн. человек произвело товаров и услуг на 5,53 трлн. долл., т.е. больше чем США (5,47 трлн. долл.). Если совсем недавно, в 70-е годы, в интеллектуальных кругах Запада широко муссировался тезис об упадке и закате Европы, американском вызове и т.д., то с начала 80-х годов все увереннее стали говорить о возрождении Европы, новой европейской идентичности, новом европейском динамизме и т.д.

Многие ведущие деятели европейских стран стали все настойчивее ратовать за дальнейшую политическую интеграцию и, следовательно, придание наднациональным органам государственных полномочий и функций. Накануне встречи в верхах стран-членов ЕС в Маастрихте в декабре 1991 г. почти все политические партии ФРГ приветствовали инициативы в вопросах, связанных с намерениями по формированию общей внешней политики и политической безопасности для будущего Европейского союза. Причем конечную цель такого курса они усматривали в создании Соединенных Штатов Европы.

Усиление крена в сторону европеизации европейской политики все отчетливее проявляется в наращивании так называемого «европейского измерения» обороны как в недрах НАТО, так и вне ее. Европейцы все откровеннее высказывают желание выйти из-под единоначалия Вашингтона. Они выражают готовность нести большую нагрузку и ответственность при урегулировании конфликтов и соответственно увеличить свою роль в блоке и на международной арене. Высказываются соображения относительно целесообразности демонтажа старых структур альянса времен холодной войны с целью избежать недовольства России. Эта линия отчетливо проявилась, в частности, на форуме стран-членов альянса в Берлине в июне 1996 г.

Все большая роль в данном контексте отводится Западноевропейскому союзу (ЗЕС), являющемуся военно-политическим альянсом стран Западной Европы и рассматриваемому в качестве «европейской опоры НАТО». В этом качестве он играет роль своего рода связующего звена между НАТО и Европейским союзом. После Маастрихтских соглашений 1991 г. ЗЕС превратился

как бы в составную часть ЕС, его оборонную структуру. В декабре 1994 г. НАТО официально одобрила деятельность ЗЕС по формированию европейской идентичности в сфере безопасности. Вынашиваются планы образования командной структуры ЗЕС. Сейчас ведутся работы над созданием региональной системы тактической противоракетной обороны (ПРО), призванной защищать европейские страны Североатлантического союза от возможного ракетного нападения со стороны третьих стран. При таком развитии событий НАТО предписывается роль не единственной, а одной из двух опор европейской безопасности.

Формирование и функционирование института совместной внешней политики и политики безопасности в рамках ЗЕС способствуют уменьшению возможностей проведения отдельным государством, входящим в состав ЕС/ЗЕС, сепаратной политики, противоречащей интересам безопасности всех членов союза. Такое положение служит помимо всего прочего фактором «приручения» и определенной нейтрализации возможных негативных последствий возрастающих мощи и влияния Германии.

Эти тенденции приобретали все большую определенность и убедительность с приближением января 1993 г., ознаменовавшего качественно новый этап с точки зрения европейской интеграции. Симптоматично замечание одного из последовательных приверженцев идеи американского века С. Хантингтона о том, что хотя во всем мире люди толкаются в очередях у дверей американских консульств в надежде получить иммиграционную визу, в Брюсселе целые страны выстроились в очереди за дверями ЕС, добиваясь вступления в него. «Федерация демократических, богатых, социально разнообразных стран со смешанной экономикой, – писал он, – может превратиться в могущественную силу на мировой арене. Если следующий век – не американский век, то больше всего вероятно, что он будет европейским веком. Ключ мирового лидерства, который перешел в направлении Запада через Атлантический океан в начале двадцатого века, может двинуться обратно в восточном направлении столетие спустя».

Одним словом, Европа, как говорится, стара, но не устарела. Думается, что с этой точки зрения помыслы тех народов и стран, которые после краха восточного блока и тоталитаризма устремились «в Европу», диктовались не только географической ее близостью, но не в меньшей степени и тем, что для многих из них она становится «градом на холме», на роль которого в течение многих поколений единолично претендовали Соединенные Штаты. К этому следует добавить, что окончание холодной войны положило конец такому аномальному явлению, как разделение Европы железным занавесом на два враждебных лагеря. По сути дела, страны Центральной и Восточной Европы в буквальном смысле слова воссоединились с Европой. Сами понятия «Восточная Европа» и «Центральная Европа» снова приобрели свои первоначальные политико-географическое и геополитическое значения.

По мнению А. Коновалова – президента Института стратегических оценок, сегодня мы являемся свидетелями формирования биполярности нового типа – такой, в которой каждый из полюсов имеет сложную композитную структуру. На одном полюсе группируются государства, готовые следовать во внутренней и внешней политике согласованным правилам и нормам, придерживающиеся ряда общих базовых ценностей и признающие цивилизационное многообразие мира. Другой полюс представлен как государствами, так и негосударственными террористическими и криминальными транснациональными сетями, которые исповедуют радикальные идеологии, отвергают общепризнанные нормы права и морально-этические ограничения и ставят задачу глобальной экспансии этих идеологий.

4. Геополитические модели многополярного мира

Во многих теоретических исследованиях и аналитических документах авторитетных исследовательских центров различных стран обсуждаются разные варианты конфигурации системы международных отношений ближайшего и отдаленного будущего. В них обращается внимание на то, что хотя возможности США влиять на ход мировых событий заметно возросли, система международных отношений в обозримом будущем не станет в чистом виде «однополюсной», а под влиянием ряда разноплановых факторов и условий будет развиваться в многополюсную.

Основные варианты прогнозируемой многополярности: шестиполюсный мир; мир семи противоборствующих культурно-религиозных цивилизаций; мир концентрических окружностей; США и страны «западной цивилизации» против остального мира. Сущность этих вариантов заключается в следующем.

Шестиполюсный мир. По мнению Г. Киссинджера, система международных отношений будет включать в себя шесть основных участников – США, Европу, Китай, Японию, Россию и Индию. Хотя в предполагаемой им схеме «полюсов», или центров влияния, политика по крайней мере трех государств – России, Китая и Индии – во многих отношениях будет независимой от Запада, тем не менее США сумеют обеспечить себе лидирующую роль в международных отношениях будущего.

Мир семи противоборствующих культурно-религиозных цивилизаций. По мнению С. Хантингтона, глобальная политика уже стала многополярной, многоцивилизационной. Существующие семь цивилизаций – западная, православная, исламская, китайская, индийская, японская, латиноамериканская и, возможно, африканская, отличаются друг от друга религиями и культурными ценностями, оставляющими мало возможностей для компромиссов. В этом он видит источник противоречий в международных отношениях будущего и реальные предпосылки для формирования новых, цивилизационных центров силы и влияния на мировой арене. Согласно С. Хантингтону, в XXI веке западная цивилизация будет долго сохранять первенство, но

перестанет доминировать. Претензии Запада на всеобщность своих ценностей столкнут его прежде всего с исламской и китайской цивилизациями.

Мир концентрических окружностей. Авторы этой концепции полагают, что международные отношения в дальнейшем будут строиться вокруг «стержневых демократических государств» во главе с Соединенными Штатами. В качестве партнеров США рассматриваются страны Европейского Союза и Япония.

США и страны «западной цивилизации» против остального мира. Исходя из тезиса Ф. Фукуямы об универсальности западной модели либеральной демократии для всего мира, сторонники данного варианта считают возможным и даже целесообразным навязывать ее другим государствам. При этом не исключается вероятность такого развития международных отношений, при котором либеральные демократии окажутся во враждебном окружении, а противостояние будет протекать на фоне неспособности международных организаций адекватно реагировать на проблемы мирового сообщества.

Все эти прогнозируемые сценарии безусловно заслуживают внимания. Их объединяет осознание кризисности грядущего развития, вызываемой жесткими противоречиями интересов субъектов мировой политики – суверенных государств, транснациональных корпораций, набирающих силу неправительственных организаций, самоопределяющихся этнических групп, отдельных регионов, мафиозных структур и т.д.

Безусловно, проявятся стремление США обеспечить свое доминирование и противодействие этому со стороны других государств. Вполне реальным представляется появление у США глобально значимых конкурентов и превращение мира из однополярного в многополюсный. Несомненно, обострится межгосударственное соперничество из-за земного пространства и невозполнимых ресурсов.

Вместе с тем основным элементом международных отношений, на наш взгляд, будут прежде всего межцивилизационные противоречия. Каждая цивилизация располагает огромным человеческим и материальным потенциалом, стремится утвердить себя в качестве влиятельного центра мирового развития, и смягчение международных конфликтов будет возможно лишь в случае готовности лидеров цивилизаций поддерживать диалог.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается отличие империи и государства-нации?
2. Выделите основные черты морской и сухопутной цивилизаций.

Лекция 6. Категории государственного и национального интереса

Деятельность государства на международной арене обретает логику, если представить ее как более или менее последовательную и внутренне согласованную цепочку действий, в ходе которых реализуются его интересы.

Интерес (от лат. *interest* – имеет значение, важно) – реальная причина действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов.

Национальный (или государственный) интерес – это категория геополитики, выражающая общие и частные потребности государства, вытекающие из его социально-политической природы, а также места и роли в системе международных отношений. Формулирование системы национальных интересов дает возможность рациональной постановки политических целей.

Национальные интересы являются основой внешней политики любого государства. Их формирование – длительный исторический процесс. Отсутствие четкого понимания национальных интересов отрицательно сказывается на эффективности внешней политики.

Внешнюю политику любого государства можно считать реалистичной в той мере, в какой она построена с учетом интересов других сторон, вовлеченных в систему международных отношений. Этот момент приобретает особую значимость в современном мире, в котором определение национальных интересов любого отдельно взятого государства предполагает обязательный учет интересов других государств, а в чем-то и интересов всего мирового сообщества.

Провозглашаемые на государственном уровне национальные интересы закрепляются в конституции, законодательных и иных нормативно-правовых актах. Они отражаются в концепциях национальной безопасности, общенациональных доктринах и т.д. На негосударственном уровне национальные интересы провозглашаются в программных документах политических партий и общественных организаций, формулируются лидерами общественного мнения, представителями научного сообщества, средствами массовой информации и т.д.

В англоязычной литературе понятие «нация» тождественно понятию «государство», что соответствует западным традициям и реалиям, где давно уже сформировались и национальное государство, и гражданское общество. К тому же в английском и других языках романской группы слово «национальный» лишено чисто этнического содержания и равнозначно понятию «государственный». Поэтому речь фактически идет о национально-

государственных интересах. Концепция «государство-нация» была сформулирована вскоре после Французской революции и постепенно укоренилась в общественно-политических науках западных государств.

Рассмотрим теперь соотношение категорий государственного и национального интереса.

В последние десятилетия существования СССР советские ученые пользовались категорией «государственные интересы» вместо «классовые интересы». Начиная с конца 1980-х гг. отечественные ученые активно стали пользоваться категорией «национальные интересы», в том числе применительно к российским интересам. Предложено несколько вариантов разграничения категорий государственный и национальный интерес. В соответствии с первой трактовкой, категория национального интереса отличается от «интереса государства» тем, что первая в большей степени выражает интересы нации как гражданского общества и «работает» только при наличии его достаточно развитых институтов. Эти институты и формулируют систему национальных интересов. При этом национальный интерес не сводится к «совокупности интересов граждан», но и учитывает и другие объективные факторы геополитического, экономического и т.д. порядка.

Категория государственные интересы применима к любому государству на любой ступени его развития, с любым политическим режимом, в том числе для авторитарных государств. В том случае, если гражданское общество еще не сложилось (как в СССР) или слабо, то «государственные интересы» полностью подавляют «национальные». Под интересами государства, как правило, имелись в виду интересы режима, прежде всего правящей группировки или страты, монополизировавшей власть, а также интересы различных элит, связанных с теми или иными сегментами государственной машины или борющихся за контроль над ними. Можно предположить, что под государственными интересами Российской империи понимались прежде всего интересы самодержавия как правящего режима, а в советское время – интересы руководства КПСС, которое учитывало интересы советского государства, собственные эгоистические интересы, а также идеологические установки. В современной России «интересы государства» по-прежнему доминируют.

В западной политической науке разработана «модель бюрократической политики» (или теория «бюрократического компромисса»), согласно которой внешнеполитическая линия государства есть результат сложного взаимодействия различных группировок в государственном аппарате. Например, в США традиционным является различие в позициях Государственного департамента и Министерства обороны. Военные последовательно поддерживают только такой внешнеполитический курс, который позволяет не допустить сокращения военного бюджета и численности военнослужащих, а также числа ведущих специалистов (в ВВС, например, пилотов). В результате, складывается ситуация, что для многих лиц, участвующих в принятии внешнеполити-

ческих решений, «интересы национальной безопасности есть интересы организации, к которой они принадлежат».

Эта модель не без успеха применялась и для анализа советской внешней политики. Выработка политики часто в этом случае может описываться через модель «перетягивания каната». Такой подход, в свою очередь, ставит вопрос о наиболее влиятельных группах интересов в стране.

Под **группами интересов** понимаются объединения людей, которые оказывают целенаправленное воздействие на органы государственной власти для защиты и продвижения своих корпоративных интересов. Примерами являются объединения крупного и мелкого бизнеса, религиозные, этнические и другие организации. В Советском Союзе к группам интересов можно было отнести интересы военно-промышленного комплекса, армии, гражданских отраслей промышленности и науки, партийного аппарата и т.д.

В Соединенных Штатах очень большое влияние на внешнюю политику оказывает большой бизнес, представленный крупными корпорациями. Они составляют наиболее влиятельные группы интересов. Кроме того, свои интересы продвигают профессиональные, общественно-политические и этнические лоббисты. В США хорошо развит так называемый этнический лоббизм, то есть целенаправленное влияние на внешнюю политику различных этнических диаспор. Самым крупным и влиятельным лоббистом является еврейская община. В значительной степени под ее влиянием США занимают ярко выраженную произраильскую позицию, что способствует ослаблению их позиций в арабском мире. Под влиянием кубинского лобби, иммигрантов после кубинской революции 1959 г., режим эмбарго против Кубы, введенный в 1961 г., действует до сих пор.

В 1990-х гг. отечественные политологи предложили и другую версию соотношения понятий национального и государственного интереса. Национальный интерес было предложено рассматривать как этнический, а государственный – как интерес многонационального государства. Соответственно, когда речь идет о западных государствах (государствах-нациях), то речь идет о «национальном интересе». Когда же говорится о России, используется понятие «государственный интерес».

Структура и классификация национальных интересов

Национальные интересы имеют довольно сложную структуру. Национальный интерес складывается как бы из двух элементов: более устойчивое «ядро» и подвижные, мобильные цели, выстраиваемые на его основе. Подлинный лидер нации тем и отличается от политика-временщика, что способен воплотить, улавливать оптимальный национально-государственный интерес текущего исторического момента. Такой интерес не может быть сформулирован априорно, раз и навсегда, он складывается только на определенной стадии развития государственности.

Национальные интересы могут классифицироваться по различным признакам.

Представители школы политического реализма подразделяют интересы на постоянные (основополагающие) и преходящие (промежуточные) интересы. К постоянным относят:

- 1) «интересы национальной безопасности», под которыми подразумевается защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности;
- 2) «национальные экономические интересы», а именно развитие внешней торговли и рост инвестиций, защиту интересов частного капитала за границей;
- 3) «интересы поддержания мирового порядка», включающие взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса.

Промежуточные интересы по степени значимости можно выстроить в следующем порядке:

- 1) «интересы выживания», т. е. предотвращение угрозы самому существованию государства;
- 2) «жизненные интересы» – создание условий, препятствующих нанесению серьезного ущерба безопасности и благосостоянию всей нации;
- 3) «важные интересы» – предотвращение нанесения «потенциально серьезного ущерба» для страны;
- 4) «периферийные или мелкие интересы», связанные с проблемами преимущественно локального характера.

Российский международник О. А. Арин делит национальные интересы на внутренние и внешние.

Э.А. Поздняков предлагает выделить два уровня национальных интересов: главные и специфические. Уровень специфических интересов охватывает отдельные, относительно частные интересы государства.

Национальные интересы также можно подразделить на жизненно важные (коренные), важные и второстепенные.

Жизненно важные (коренные) национальные интересы напрямую связаны с самим существованием государства и нации. К ним относятся вопросы целостности, национально-культурной самоидентификации, безопасности существования нации, без их реализации ни одна нация не в состоянии существовать сколько-нибудь длительное время, поэтому именно эти интересы составляют высший уровень всей системы национально-государственных интересов, ее стержень и они ни при каких обстоятельствах не могут быть принесены в жертву любым другим интересам. Игнорирование коренных национально-государственных интересов является прямым предательством своего народа.

Важные (основные) интересы связаны с наиболее значимыми проблемами обеспечения жизнедеятельности и развития нации. К ним можно отнести, например, проблемы военной безопасности, экономического развития, социальной защиты граждан, воспитания и т.д.

Второстепенные интересы, как правило, охватывают те сферы жизне-

деятельности, которые напрямую не связаны с обеспечением благоприятных условий для функционирования и развития нации. Например, проблемы, связанные с исследованием дальнего космоса, археологические исследования, культурные вопросы и многие другие.

Национальные интересы могут разделяться по сферам: политические, экономические, военные и т.д.

В зависимости от периода реализации национальные интересы могут быть долгосрочными (15–20 лет и выше), среднесрочными (5–15 лет), краткосрочными (от одного года до пяти лет).

По основным методам реализации национальные интересы могут быть подразделены на реализуемые мирным путем и насильственным. К мирным методам можно отнести усилия по налаживанию отношений с использованием дипломатических каналов, поиск компромиссов через переговорный процесс, расширение международного сотрудничества. Реализация национальных интересов с помощью насильственных методов предполагает использование угрозы применения силы и применение вооруженного насилия.

Ни одно государство не может обеспечить реализацию всех целей в полном объеме. Достижение многих интересов возможно только через достижение компромиссов с другим государством. Ряд интересов, в том числе жизненно важных, связанных с безопасностью и самосохранением государства, невозможно реализовать в одиночку, без союзов и коалиций с другими государствами.

С точки зрения носителей того или иного интереса различаются: интересы государственные (одного государства) и интересы наднациональные. В свою очередь, наднациональные интересы подразделяются на интересы групповые (нескольких государств) и интересы международного сообщества в целом, интересы общечеловеческие.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 г. национальные интересы России на долгосрочную перспективу заключаются:

- в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
- в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
- в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

Концепция национальной безопасности

Термин «национальная безопасность» впервые был использован в начале XX века в послании президента США Т. Рузвельта Конгрессу, в котором он обосновывал захват зоны Панамского канала интересами национальной безопасности.

Еще Ганс Моргентау писал: «Национальный интерес миролюбивой

страны может формулироваться только через призму национальной безопасности, а она должна предполагать целостность национальной территории и неприкосновенность ее институтов. Национальная безопасность в таком случае – это тот необходимый минимум, который дипломатия должна защищать адекватными возможностями и бескомпромиссно». **Национальная безопасность** – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие, оборону и безопасность государства.

Различают внешнюю и внутреннюю безопасность. Внешняя безопасность – это защищенность национальных интересов государства, национальных ценностей и образа жизни от угроз, исходящих извне. Внутренняя безопасность – защищенность от угроз, исходящих из процессов, организаций, лиц и объектов, которые находятся под управлением государства и/или на его территории.

Угрозы национальной безопасности подразделяются на реальные и потенциальные, внешние и внутренние. По своим масштабам они проявляются на планетарном (глобальном), региональном, государственном и локальном уровнях.

В зависимости от источника вреда выделяют три группы угроз:

- природные, связанные с нанесением вреда со стороны стихийных сил природы (наводнения, цунами, землетрясения и т.д.);

- техногенные проистекают со стороны искусственно созданных человеком процессов и объектов (техногенные аварии);

- антропогенные угрозы характеризуются нанесением вреда со стороны отдельных лиц, организаций (внутренних и международных) и иностранных государств (это политические, экономические, военные, социальные и т.д. угрозы). Концепция национальной безопасности – официальная система взглядов на национальные интересы государства, принципы, средства и способы их реализации и защиты от внутренних и внешних угроз. Концепция национальной безопасности представляет собой производную от концепции национальных интересов, а в более широком плане – от геополитического кода государства.

Первостепенная задача концепции национальной безопасности – определение и разработка приоритетных направлений, комплекса мер и средств предотвращения прежде всего крайних форм внешней и внутренней угроз – войны с другими государствами и гражданской войны.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое группы интересов? Приведите пример этнического лоббизма в США.

2. В чем заключается, по мнению отечественных ученых, различия категорий государственного и национального интереса?
3. Дайте определение национальной безопасности.

Репозиторий ВГУ

ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Практический курс объемом в 6 часов ориентирован на приобретение навыков самостоятельного анализа основ геополитических процессов.

Семинар 1

Основные геополитические теории и школы вт.п. XX века

1. Геополитические концепции атлантистов
2. Геополитические концепции мондиалистов
3. Геополитические концепции неонатлантистов и неомондиалистов
4. Геополитические взгляды неоевразийцев

Литература

1. Ашенкамф Н.Н. Современная геополитика: Учебное пособие / Н.Н. Ашенкамф, С.В. Погорельская. – М., 2005.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М., 1998.
3. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Изд. 2-е, доп. и перераб.: Учебник для вузов / К.С. Гаджиев. М., 2000.
4. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В.А. Михайлова; отв. ред. Л.О. Терновая, С. В. Фокин. – М., 2007.
5. Дергачев В.А. Геополитика. Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – М., 2004.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М., 1999.
7. Исаев Б.А. Геополитика: учеб. пособие / Б.А. Исаев. – СПб., 2005.
8. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян: В 2-х т. – М., 2009.
9. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студ. вузов / Р.Т. Мухаев. – М., 2007. (2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010).
10. Нартов Н.А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н.А. Нартов, В.Н. Нартов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
11. Пирожник И.И. Геополитика в современном мире: Учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск, 2008.
12. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.

Семинар 2

Геополитическая динамика мира в XX – начале XXI века

1. Конфигурация геополитических сил в п.п. XX века
2. Биполярность периода «холодной войны» и ее дезинтеграция
3. Геополитические процессы в современном мире
4. Геоэкономические процессы в условиях глобализации
5. Геополитическая трансформация постсоветского пространства
6. Беларусь в геополитических реалиях современного мира

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М., 1998.
2. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И.А. Василенко. – М., 2006 (2-е изд., испр. и доп. – М., 2010).
3. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В.А. Михайлова; отв. ред. Л.О. Терновая, С. В. Фокин. – М., 2007.
4. Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. – М., 2000.
5. Дергачев В.А. Геополитика. Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – М., 2004.
6. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – Спб., 2007.
7. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М., 1999.
8. Исаев Б.А. Геополитика: учеб. пособие / Б.А. Исаев. – СПб., 2005.
9. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М., 1996.
10. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян: В 2-х т. – М., 2009.
11. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студ. вузов / Р.Т. Мухаев. – М., 2007. (2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010).
12. Нартов Н.А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н.А. Нартов, В.Н. Нартов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
13. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. – М., 2005.
14. Пирожник И.И. Геополитика в современном мире: Учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск, 2008.
15. Сирота Н.М. Основы геополитики: учебное пособие / Н.М. Сирота. – С-Пб., 2001.

16. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России / К.Э. Сорокин. – М., 1996.
17. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.
18. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 / В.Л. Цымбурский. – М., 2007.

Семинар 3

Категории государственного и национального интереса

1. Концепция национального интереса
2. Концепция национальной безопасности
3. Приоритеты национальной безопасности государства
4. Конфликты и войны в современном мире

Литература

1. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И.А. Василенко. – М., 2006 (2-е изд., испр. и доп. – М., 2010).
2. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Изд. 2-е, доп. и перераб.: Учебник для вузов / К.С. Гаджиев. М., 2000.
3. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В.А. Михайлова; отв. ред. Л.О. Терновая, С. В. Фокин. – М., 2007.
4. Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. – М., 2000.
5. Дергачев В.А. Геополитика. Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – М., 2004.
6. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – Спб., 2007.
7. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М., 1999.
8. Ивашев Л.Г. Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России / Л.Г. Ивашев. – М., 2002.
9. Исаев Б.А. Геополитика: учеб. пособие / Б.А. Исаев. – СПб., 2005.
10. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян: В 2-х т. – М., 2009.
11. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студ. вузов / Р.Т. Мухаев. – М., 2007. (2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010).
12. Нартов Н.А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н.А. Нартов, В.Н. Нартов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

13. Начала геополитики: Учеб.-метод. пособие / Э.А. Корнилович и др. – Минск, 2002.
14. Пирожник И.И. Геополитика в современном мире: Учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск, 2008.
15. Сирота Н.М. Основы геополитики: учебное пособие / Н.М. Сирота. – С.-Пб., 2001.
16. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.

Репозиторий ВГУ

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ТЕМЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Самостоятельная работа студентов требует значительных усилий, интеллектуального напряжения, познавательного интереса, умения рационально организовывать свой труд; предполагает работу с библиографическими каталогами, учебной, научной и справочной литературой. Используя доступную литературу, постарайтесь осветить предложенные ниже вопросы, акцентировав внимание на основные тенденции, понятия и персоналии.

Тема 1. Основные категории, принципы и законы геополитики

1. Назовите основные категории геополитики
2. Назовите основные принципы геополитики
3. Какие законы геополитики вы знаете?

Тема 2. Классическая геополитика

1. Предыстория геополитики (географическое направление в социальной мысли).
2. Геополитические взгляды Ф. Ратцеля.
3. Геополитические воззрения Р. Челлена.
4. Концепции А. Мэхэна и Х. Маккиндера.
5. Геополитическая концепция К. Хаусхофера.
6. Школа «география человека» Поля Видаль де ла Блаша.
7. Имперская геостратегия Н. Спайкмена.
8. Геополитические взгляды евразийцев.

Тема 3. Геополитические теории вт.п. XX века

1. Геополитические взгляды П. Галуа.
2. Геополитические взгляды Д. Мейнинга.
3. Геополитические взгляды С. Коэна.
4. Геополитические взгляды Зб. Бжезинского.
5. Геополитические взгляды С. Хантингтона.
6. Геополитические взгляды Ф. Фукуямы.
7. Геополитические взгляды А. Страуса.
8. Геополитические взгляды Ч. Краутхамера.
9. Геополитические взгляды Дж. Ная-мл.

Тема 4. Геополитические модели мира

1. Какие существуют модели мироустройства?
2. Охарактеризуйте биполярную модель мира.
3. Охарактеризуйте однополярную модель мира.
4. Охарактеризуйте многополярную модель мира.
5. Охарактеризуйте бесполярную модель мира.

Тема 5. Геополитическая стратегия США

1. Глобальная стратегия Вашингтона.
2. Региональная политика США.

Тема 6. Геополитическая стратегия Китая

1. Глобальная стратегия КНР.
2. Региональная политика Пекина.

Тема 7. Геополитическая стратегия ЕС

1. Геополитические подходы Брюсселя.
2. Региональная политика ЕС.

Тема 8. Место конфликтов и войн в жизни мирового сообщества

1. Война как продолжение политики в ядерную эпоху
2. Какие существуют концепции конфликтов и войн в современном мире?
3. Перечислите основные положения концепции столкновения цивилизаций.
4. Каковы ее достоинства и недостатки?
5. Какие, на ваш взгляд, факторы будут определять характер конфликтов и войн в многополярном миропорядке?
6. Назовите основные источники и формы конфликтов в современном мире.

Литература

1. Ашенкампф Н.Н. Современная геополитика: Учебное пособие / Н.Н. Ашенкампф, С.В. Погорельская. – М., 2005.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М., 1998.
3. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И.А. Василенко. – М., 2006 (2-е изд., испр. и доп. – М., 2010).
4. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Изд. 2-е, доп. и перераб.: Учебник для вузов / К.С. Гаджиев. М., 2000.
5. Геополитика: Антология / Сост.: Н.Н. Ашенкампф, С.В. Погорельская. – М., 2006.
6. Геополитика: теория и практика: Сб. ст. / Под ред. Э.А. Позднякова. – М., 1993.
7. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В.А. Михайлова; отв. ред. Л. О. Терновая, С. В. Фокин. – М., 2007.
8. Дергачев В.А. Геополитика. Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – М., 2004.
9. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – Спб., 2007.
10. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М., 1999.
11. Исаев Б.А. Геополитика: учеб. пособие / Б.А. Исаев. – СПб., 2005.
12. Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М., 2001.
13. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162 – 169.
14. Миньяр-Белоручев К.В. Геополитика: Учебно-методическое пособие / К.В. Миньяр-Белоручев. – 2-е изд., испр. и дополн. – М., 2008.
15. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М., 1996.
16. Мунтян М.А. Геополитика и геополитическое мышление: история и современность / М.А. Мунтян. – М., 2007.
17. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян: В 2-х т. – М., 2009.
18. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студ. вузов / Р.Т. Мухаев. – М., 2007. (2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010).
19. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. – М.; СПб., 2002.
20. Нартов Н.А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н.А. Нартов, В.Н. Нартов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

21. Начала геополитики: Учеб.-метод. пособие / Э.А. Корнилович и др. – Минск, 2002.
22. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. – М., 2005.
23. Пирожник И.И. Геополитика в современном мире: Учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск, 2008.
24. Сирота Н.М. Основы геополитики: учебное пособие / Н.М. Сирота. – С-Пб., 2001.
25. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России / К.Э. Сорокин. – М., 1996.
26. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.
27. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет / К. Хаусхофер. – М., 2001.
28. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 / В.Л. Цымбурский. – М., 2007.
29. Челлен Р. Государство как форма жизни / Р. Челлен. – М., 2008.

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Автором теории о влиянии климата на политический процесс является...
 - а) Ф. Аквинский;
 - б) Г. Маккиндер;
 - в) Ш. Монтескье;
 - г) Ж. Боден.

2. Предметом геополитики являются...
 - а) международные отношения;
 - б) сложившиеся государственные границы;
 - в) национально-этнический состав населения;
 - г) факторы, создающие основы для эффективной борьбы за расширение пространства государства.

3. Объект геополитики – это...
 - а) государственное устройство;
 - б) человеческая психология, сознание;
 - в) взаимоотношения государств на международной арене;
 - г) пространство.

4. Геостратегия – это...
 - а) система знаний о контроле над пространством;
 - б) наука править большим пространством на глобальном и региональном уровне;
 - в) наука о предотвращении военных конфликтов;
 - г) согласование интересов различных государств.

5. К основным законам геополитики относится...
 - а) закон противостояния морских и континентальных государств;
 - б) закон синтеза суши и моря;
 - в) необходимость и неизбежность войн в борьбе за геополитическое пространство;
 - г) усиление фактора пространства в человеческой истории.

6. Перекрестное геополитическое поле – это...
 - а) пространство, контролируемое государством длительное время;
 - б) пространство, на которое претендует несколько сопредельных государств;
 - в) территория, находящаяся под контролем национальной общности;
 - г) территории, находящиеся вне тотального контроля.

7. Автором «органической школы» геополитики считается...
 - а) А. Мэхен;

- б) К. Хаусхофер;
в) Ф. Ратцель;
г) Х. Макиндер.
8. «Органическая школа» геополитики исключительное значение придает...
а) образу жизни населения;
б) эволюционной теории Дарвина;
в) переселению народов;
г) географическим факторам.
9. С точки зрения Х. Маккиндера, «сердцем земли» является...
а) береговая зона;
б) Восточная Европа;
в) Центральная Азия;
г) центр евразийского пространства – «Хартленд».
10. С точки зрения А. Мэхена, главным инструментом мировой политики является...
а) военно-морской флот;
б) геополитическая опорная точка;
в) торговля;
г) военно-политические блоки.
11. С точки зрения Н. Спайкмена, ключ к мировому господству в руках тех, кто контролирует...
а) ключевые опорные точки;
б) «хартленд» – сердце мира;
в) Евразию;
г) периферийную зону – «римленд».
12. К. Хаусхофер считал необходимым создание военно-политического блока...
а) Берлин-Рим-Токио;
б) Берлин-Париж-Рим;
в) Берлин-Москва-Рим;
г) Берлин-Москва-Токио.
13. Немецкий геополитик К. Шмитт ввел понятие «Номос», что означает...
а) космическое пространство;
б) воздушное пространство;
в) ключевой регион в мировой политике;
г) большие планетарные пространства (море и суша), на основе которых формируются различные культуры и образы жизни.

14. Согласно идеям В.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия сможет защитить свое континентальное пространство, если обеспечит...

- а) выход в Средиземное и Черное моря;
- б) создание кольцеобразной системы геополитического контроля;
- в) совмещение политического и географического центров России;
- г) создание в азиатских владениях культурно-экономических центров ускоренного развития.

15. Согласно теории Н.Я. Данилевского, основным субъектом международной жизни является...

- а) этнос;
- б) государство;
- в) цивилизация;
- г) суперэтнос.

16. Л.Н. Гумилев утверждал, что глобальные исторические закономерности определяются...

- а) социально-экономическими интересами;
- б) сознательными решениями;
- в) религиозными факторами;
- г) этническими факторами.

17. Основная идея мондиалистского проекта заключалась в...

- а) создание неправительственных структур (ООН, ЮНЕСКО, «Совет по международным отношениям» и др.);
- б) осуществление планетарной интеграции всего человечества, поскольку «человечество является всемирной семьей»;
- в) переход к единой мировой системе под стратегическим руководством Запада и «демократических ценностей»;
- г) объединение европейского, тихоокеанского и американского пространства.

18. Основная цель «теории конвергенции» заключалась в ...

- а) преодолении идей «марксизма – ленинизма»;
- б) формировании мирового правительства без участия СССР;
- в) слиянии, сближении двух мировых систем (капитализма и социализма) путем взаимных уступок;
- г) введении государственных мер по регулированию рыночной экономики.

19. Согласно теории «неоатлантизма» в XXI в. основным источником конфликтов будет являться ...

- а) идеология;
- б) экономика;
- в) политический терроризм,
- г) культура.

20. В геополитическом плане стратегия неонатлантизма следовала принципам ...
а) К. Хаусхофера;	в) А. Мэхена;
б) Ф. Ратцеля;	г) Н. Спайкмена.
21. В научный оборот впервые термин «геополитика» ввел ...
а) Р. Челлен;	б) Ф. Ратцель;
в) А. Мэхэн;	г) К. Хаусхофер.
22. Начало современной антропогеографии положил ...
а) Геродот;	б) Ф. Ратцель;
в) Ж. Боден;	г) К. Леонтьев.
23. Взгляда о необходимости доминирования России в Евразии придерживается ...
а) Н. Назарбаев;	б) В. Жириновский;
в) М. Горбачев;	г) Д. Медведев.
24. Основателем «неоевразийства» в России является ...
а) В.Л. Цымбурский;	б) А.Г. Дугин;
в) А.В. Козырев;	г) К.С. Гаджиев.
25. Термин «геополитика» появился в ...
а) 1945 г.;	б) 1870 г.;
в) 1916 г.;	г) 1815 г.
26. Назовите приверженца стратегии атлантизма ...
а) Зб. Бжезинский;	б) Ж. Тириар;
в) Н.А. Назарбаев;	г) А.Г. Дугин.
27. Назовите автора тезиса о конфликте цивилизаций ...
а) Ф. Фукуяма;	б) С. Хантингтон;
в) Зб. Бжезинский;	г) Г. Киссинджер.
28. Основателем французской школы «географии человека» был ...
а) Ф. Ратцель;	б) П. Видаль де ла Блаш;
в) Ж. Тириар;	г) П. Галлуа.
29. Кто из геополитиков рассматривал Россию в качестве основного союзника Германии?
а) К. Шмитт;	б) К. Хаусхофер;
в) Ф. Ратцель;	г) Г. Киссинджер.

30. Родоначальником американской школы геополитики считается ...
- а) Н. Спайкман;
 - б) Р. Страус-Хюпе;
 - в) А. Мэхэн;
 - г) Г. Киссинджер.
31. Кто из российских авторов считает геополитику прежде всего идеологией?
- а) Н.А. Нартов;
 - б) А.Г. Дугин;
 - в) К.С. Гаджиев;
 - г) Ю.В. Тихонравов.
32. Назовите автора модели «шестиполусного мира»:
- а) Г. Киссинджер;
 - б) С. Хантингтон;
 - в) Зб. Бжезинский;
 - г) Ф. Фукуяма.
33. Назовите автора тезиса «конца истории»:
- а) Г. Киссинджер;
 - б) С. Хантингтон;
 - в) Зб. Бжезинский;
 - г) Ф. Фукуяма.
34. Автором работы «Россия и Запад» был ...
- а) Л.И. Мечников;
 - б) К.Н. Леонтьев;
 - в) Н.Я. Данилевский;
 - г) И.А. Ильин.
35. Назовите представителя геополитики «новых правых»:
- а) Ж. Тириар;
 - б) Зб. Бжезинский;
 - в) А.Г. Дугин;
 - г) Г. Киссинджер.
36. Английский ученый 19 в. Г.Т. Бокль в качестве наиболее значимого из географических факторов, влияющих на человеческое общество, выделял ...
- а) ландшафт;
 - б) климат;
 - в) воду;
 - г) почву.
37. Впервые в политическом лексиконе понятие «национальная безопасность» было употреблено ...
- а) Т. Рузвельтом;
 - б) В. Вильсоном;
 - в) Р. Рейганом;
 - г) Дж. Бушем-ст.
38. Кто из геополитиков в 1970-е гг. выступал за присоединение Западной Европы к СССР в составе «евросоветской империи от Владивостока до Дублина»?
- а) Ж. Тириар;
 - б) Зб. Бжезинский;
 - в) Г. Киссинджер;
 - г) С. Хантингтон.

39. Кто из ниже перечисленных геополитиков не относится к направлению европейских «новых правых»?
- а) Ж. Тириар; б) А. де Бенуа;
в) Ив Лакост; г) К. Террачано.
40. Ф. Ратцель назвал «океаном будущего» ...
- а) Тихий океан; б) Индийский океан;
в) Атлантический океан; г) Северный Ледовитый океан.
41. Е.М. Примаков выступал в 1990-е годы за создание геополитической оси ...
- а) Москва-Вашингтон-Пекин; б) Москва-Пекин-Дели;
в) Москва-Дели-Берлин; г) Москва-Париж-Берлин.
42. Российская внешняя политика начала 1990-х гг. была направлена на сближение с ...
- а) Китаем; б) Ираном;
в) США; г) Индией.
43. Геополитический проект профессора Карло Санторо предполагал ...
- а) установление мирового правительства; б) победу коммунизма;
в) возвышение Китая; г) крах Америки.
44. Ноевразийцы стабильность международной системы видят в ...
- а) биполярности; б) однополярности;
в) многополярности; г) бесполярности.
45. Территория какого государства мира совпадала с геополитическим понятием Хартлэнд (Heartland), т.е. «Центральной Земли» континента?
- а) Китая; б) США;
в) Германии; г) России.
46. Какой континент подразумевался под геополитическим понятием «Мировой остров» (World Island)?
- а) Африка; б) Евразия;
в) Северная Америка; г) Австралия.
46. Теорию пяти температурных зон (поясов) выдвинул ...
- а) Аристотель; б) Парменид;
в) Гиппократ; г) Геродот.
47. Ж. Боден в качестве наиболее значимого из географических факторов, влияющих на человеческое общество, выделял ...

- а) ландшафт;
в) воду;
- б) климат;
г) почву.
48. Концепцию униполярного мира предложил ...
а) Г. Киссинджер;
в) А. Страус;
- б) Зб. Бжезинский;
г) С. Хантингтон.
49. По мнению средневекового арабского мыслителя ибн Халдуна наиболее активной силой истории являются ...
а) кочевники;
в) горцы;
- б) жители городов;
г) приморские народы.
50. Кто в 18 веке обратил внимание на проблему влияния географических факторов на политику?
а) Монтескье;
в) Дидро;
- б) Кондорсэ;
г) Тюрго.
51. Сколько законов экспансии сформулировал Ф. Ратцель?
а) шесть;
в) три;
- б) семь;
г) двенадцать.
52. Идеи о евразийской пассионарности высказывал ...
а) Л.Н. Гумилев;
в) В.И. Ленин;
- б) К. Хаусхофер;
г) Н.Я. Данилевский.
53. Кто был убежден, что морское могущество определяет силу государства?
а) К. Хаусхофер;
в) Р. Челлен;
- б) Ф. Ратцель;
г) А. Мэхен.
54. На основании скольких критериев Н. Спайкмен определял геополитическое могущество государства?
а) шести;
в) пятнадцати;
- б) двенадцати;
г) десяти.
55. На основании скольких критериев А. Мэхен определял геополитическое могущество государства?
а) трех;
в) двенадцати;
- б) шести;
г) девяти.
56. Концепцию «остров-Россия» предложил ...
а) В.Л. Цымбурский;
в) Э.А. Поздняков;
- б) А.Г. Дугин;
г) К.С. Гаджиев.

ВОПРОСЫ ДЛЯ СОБЕСЕДОВАНИЯ

1. Объект, предмет, категории и функции геополитики.
2. Этапы развития и трансформация геополитики как науки
3. Предыстория геополитики (географическое направление в социальной мысли)
4. Геополитические взгляды Ф. Ратцеля
5. Геополитические воззрения Р. Челлена
6. Концепция А. Мэхэна
7. Концепция Х. Маккиндера
8. Геополитическая концепция К. Хаусхофера. Роль и место геополитики в нацистской Германии
9. «География человека» Поля Видаль де ла Блаша. Особенности французской геополитической традиции
10. Имперская геостратегия Николоса Спайкмена
11. Формирование и эволюция геополитических идей русских ученых в XIX – п.п. XX в.
12. Евразийская концепция: сущность и представители
13. Пространство и его развитие
14. Общая характеристика геополитических тенденций современного мира
15. Концепция атлантизма: сущность и представители
16. Концепция мондиализма: сущность и представители
17. Концепции неоатлантизма и неомондиализма: сущность и представители
18. Современная российская геополитика: направления, идеи, представители
19. Неоевразийская концепция: основные идеи и представители
20. Биполярная система мира периода «холодной войны» как геополитическая реальность
21. Понятие «война и политика». Война как продолжение политики в ядерную эпоху
22. Общая характеристика геополитической стратегии Российской Федерации
23. Общая характеристика геополитической стратегии США
24. Общая характеристика геополитической стратегии ЕС
25. Общая характеристика геополитической стратегии Китая
26. АТР – осевой геополитический регион XXI века.
27. Геополитическое положение развивающихся стран
28. Геополитические модели современности
29. Исламский фактор как геополитическая реальность современности
30. Постсоветское пространство как новая геополитическая реальность

31. Геополитическое положение Беларуси в современном мире
32. Понятие и сущность геополитической стратегии нации.
33. Природа современных международных конфликтов. Конфликты и миротворчество
34. Концепции национальной безопасности и национального интереса
35. Приоритеты национальной безопасности Беларуси
36. Природа современных международных конфликтов
37. Земля как стержневой вопрос геополитики
38. Народнонаселение как важнейший объект геополитики
39. Государство как главный субъект и объект геополитики

Репозиторий ВГУ

ЛИТЕРАТУРА

30. Ашенкампф Н.Н. Современная геополитика: Учебное пособие / Н.Н. Ашенкампф, С.В. Погорельская. – М., 2005.
31. Бжезинский З. Великая шахматная доска: (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М., 1998.
32. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам (Едрихин); сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова. – Жуковский, М., 2002.
33. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И.А. Василенко. – М., 2006 (2-е изд., испр. и доп. – М., 2010).
34. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Изд. 2-е, доп. и перераб.: Учебник для вузов / К.С. Гаджиев. М., 2000.
35. Геополитика: Антология / Сост.: Н.Н. Ашенкампф, С.В. Погорельская. – М., 2006.
36. Геополитика: теория и практика: Сб. ст. / Под ред. Э.А. Позднякова. – М., 1993.
37. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В.А. Михайлова; отв. ред. Л. О. Терновая, С. В. Фокин. – М., 2007.
38. Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. – М., 2000.
39. Дергачев В.А. Геополитика. Учебник для вузов / В.А. Дергачев. – М., 2004.
40. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – Спб., 2007.
41. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А.Г. Дугин. – М., 1999.
42. Ивашев Л.Г. Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России / Л.Г. Ивашев. – М., 2002.
43. Исаев Б.А. Геополитика: учеб. пособие / Б.А. Исаев. – СПб., 2005.
44. Калинин А.А. Геополитика. Курс лекций. – Ч. 1. / А.А. Калинин. – Киров, 2011.
45. Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М., 2001.
46. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162 – 169.
47. Миньяр-Белоручев К.В. Геополитика: Учебно-методическое пособие / К.В. Миньяр-Белоручев. – 2-е изд., испр. и дополн. – М., 2008.
48. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М., 1996.
49. Мунтян М.А. Геополитика и геополитическое мышление: история и современность / М.А. Мунтян. – М., 2007.

50. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность. Курс лекций / М.А. Мунтян: В 2-х т. – М., 2009.
51. Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студ. вузов / Р.Т. Мухаев. – М., 2007. (2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010).
52. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. – М.; СПб., 2002.
53. Нартов Н.А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение» / Н.А. Нартов, В.Н. Нартов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
54. Начала геополитики: Учеб.-метод. пособие / Э.А. Корнилович и др. – Минск, 2002.
55. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. – М., 2005.
56. Пирожник И.И. Геополитика в современном мире: Учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск, 2008.
57. Сирота Н.М. Основы геополитики: учебное пособие / Н.М. Сирота. – С-Пб., 2001.
58. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России / К.Э. Сорокин. – М., 1996.
59. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.
60. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет / К. Хаусхофер. – М., 2001.
61. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 / В.Л. Цымбурский. – М., 2007.
62. Челлен Р. Государство как форма жизни / Р. Челлен. – М., 2008.
63. Шалак А.В. Геополитика: теория, методология, практика: Учебно-методический комплекс / А.В. Шалак. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – 100 с.